

Темп марша

1. Со зы ва ют горнисты ко лон ны, мы зна

ко. мым проспектом и-дём. Каждый камень здесь Ленина пом. нит, и с лю.

Припев

бо. выю расскажет о нём. Над Не. вою песни звонкие кру. жат. ся, мы про.

ходим в барабаны грохо. ча. Ми. ре. бята, мы-ребята-ленин. град. цы,

Для повторения. мы-внучата Ильича! *Для окончания.* // мы-внучата Иль - и - ча!

газета
«Ленинские
искорки» —
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В. И. Ленина

М А Й • 1973
год издания XVII

МЫ — РЕБЯТА — ЛЕНИНГРАДЦЫ

Музыка Я. ДУБРАВИНА

Слова В. НИКОЛАЕВА

1.

Созывают горнисты колонны,
Мы знакомым проспектом идём,
Каждый камень здесь Ленина
помнит

И с любовью расскажет о нём.

ПРИПЕВ:

Над Невой песни звонкие

кружатся,

Мы проходим, в барабаны

грохоча.

Мы — ребята,

Мы — ребята-ленинградцы,

Мы — внучата Ильича!

2.

Шли по улицам этим отряды,

Вёл заводы Ильич за собой.

И вставали в огне баррикады

На последний решительный бой.

ПРИПЕВ.

3.

Много славных рабочих

традиций

Город наш, как святыню, хранит.

Нам по-ленински жить и учиться,

Пионерская клятва велит.

ПРИПЕВ.

4.

Нами город гордится по праву

И, когда мы на смену придём,

Не уроним отцовскую славу,

С боевого пути не свернем!

ПРИПЕВ.

Фото Н. Карасёва

На знамя равняйся!

ВАНЮШКА открыл глаза, прислушался: «Где же наши?» Вчера в той стороне, откуда стреляет большая пушка, отчётливо слышалась русская речь. Но уже темнело, идти дальше было рискованно. Ваня выбрал густую размашистую ель, что опустила сучья до самой земли, забрался под неё и, завернувшись с головой в плащ-палатку, уснул, как в воду канул.

Просыпаться было труднее. Утро выдалось серым, накрапывал дождь. Точно в атаку, уходили на запад лохматые, злые тучи. Откуда-то тянуло дымком.

С тех пор когда Ванюшка услышал про войну и с твёрдым намерением стать красноармейцем сбежал из детского дома под Белгородом, прошли месяцы скитаний. Он не раз уже пристраивался к воинским

частям, но каждый раз командование избавлялось от него, предлагая эвакуироваться в глубокий тыл. И снова ночёвки в банях, заброшенных сараях, стогах сена, просто в лесу. Ваня научился за это время по запаху дыма безошибочно угадывать близость жилья.

Он глубоко вздохнул. Дым был берёзовый, вкусный. Ванюшка встал, но, покачнувшись, прислонился к ёлке — вторые сутки он ел одни сыроежки. В голове шумело. С минуту постояв, он протёр глаза, бережно свернул плащ-палатку, подаренную старшиной-пехотинцем, и пошёл, пробираясь сквозь кусты на «голос» большой пушки. «Неужто к немцам опять выйду? Как под Касторной?..»

Вспомнились события последних дней. Недалеко от какой-то деревни на обочине до-

роги сидел мальчишка в красноармейской пилотке со звёздочкой. Ванюшка хотел пройти мимо, но тот спросил: «Пацан, курить есть?» — «Нету. Я и не рубал со вчерашнего дня, кишка кишке шиш кажет». — «Иди сюда, посиди, у меня тут есть на завёртку...»

Мальчишка, не торопясь, достал из широченных (наверное, отцовских) штанов зелёный кисет, газетную бумагу, сложенную гармошкой, свернул сигарку, заклеил языком и протянул Ванюшке. Тот покраснел до ушей, сомневаясь, уж не подвох ли тут какой, и сказал: — «Кури, я потом похватаю». Но мальчишка сунул ему папироску в руки, важно хлопая себя по карманам. «Прикурить-то нечем?» — спросил Ванюшка.

Суровое лицо мальчишки просветлело, в руках его появилась блестящая зажигалка, и живой синий огонёк забился на ветру.

«Вот это вещь», — похвалил, прикуривая, Ванюшка. «Как тебя звать?» — спросил мальчишка. «Иван». — «А меня — Гришка». — Мальчишка опять нахмурился и с минуту молчал. — «Папаню моего Иваном звали», — вздохнул он.

В воздухе нарастал гул армады вражеских самолётов. Гришка посмотрел в небо из-под ладони: «Опять Елец бомбить пошли, гадюки. Эх, мне бы наган, семь раз подряд стрелять можно».

Гришка прицелился из воображаемого нагана.

«Знаешь что, айда вместе на Касторную... — встрепенулся

он вдруг. — Там наши эшелоны грузятся...»

Проселочные дороги были забиты беженцами. Мальчишки несколько раз приставали к группам, чтобы поесть, а потом снова шли к станции Касторная. Когда до нее оставалось пять-шесть километров, они вышли на полотно железной дороги и топали, думая, где бы достать хоть какой-нибудь еды.

Прошли небольшой мост и — вдруг сзади: «Хальт! Хенде хох!» Настоящий, живой немец, с настоящим вороненым автоматом, повел их на станцию.

«Меня уже один раз ловили, — шепнул Гришка. — Меньше говори, больше плачь и кричи: „Мама там, мама уехала, а я остался“».

В комендатуре заметили звёздочку на Гришкиной пилотке. Оторвали и прицепили немецкого орла.

Тут мальчишки задали такой концерт, что их приказали выгнать и конвоировать за станцию.

Где-то теперь Гришка? Они на ходу пытались сесть на поезд. Гришка был сильнее, он уехал, а Ванюшка остался...

— Стой, кто идёт?

Ванюшка вздрогнул и заплакал по-настоящему, тоненько и протяжно, как и положено плакать на тринадцатом году жизни детям, попавшим в большую беду.

КОМАНДИРУ танковой роты лейтенанту Улябину ничего не стоило накормить приёмыша, вымыть в бане и

дать задание старшине подобрать для него всё самое маленькое, начиная с белья и кончая пилоткой. Но как оставить мальчишку в боевой части — вот тут задача.

Доложил командиру второго батальона, подполковнику Фирсову:

— Шустрый мальчишка. Мечтает стать разведчиком, товарищ подполковник.

— Всё это так, товарищ Улябин, но каким опасностям каждый день будем мы подвергать парнишку... — Он подчеркнул «каждый день».

Подполковник задумался, барабанил пальцами по столу.

— Говорите — шустрый? Пусть попробует лично подойти к командиру бригады. Полковник Телюков сам много перенёс в детстве, может, и оставит.

Сердце готово было выпрыгнуть из груди, когда Ванюшка появился перед командиром бригады и попросил разрешения обратиться.

— А ты откуда ещё такой боец взялся? — спросил полковник, и все наставления лейтенанта Улябина вылетели у Ванюшки из головы, язык будто присох к нёбу. Он стоял и смотрел на блестящие сапоги полковника.

— Возьмите меня в разведчики, — наконец выдавил он и тут же выругал себя: начать он должен был совсем с другого.

— Так ты и винтовки не поднимешь, — сказал уже более мягко полковник.

Ванюшка перевёл взгляд на подтянутую фигуру полковни-

ка, на белый подворотничок и, наконец, на чисто выбритое лицо.

— Подниму, я еще в детдоме значок ГТО имел.

— В детдоме, говоришь? Так вот и надо тебе быть в детдоме где-нибудь на Урале, учиться да в лапту играть...

— Все так говорят, только бы отвязаться. А я не хочу даром хлеб есть. Все боятся за меня, а чего бояться, когда я сам ничего не боюсь.

— Так-таки ничего? — улыбнулся полковник. — Кто тебя прислал ко мне?

— Я сам пришёл, ни один часовой не заметил, — соврал Ванюшка, чтобы не выдать лейтенанта Улябина.

Полковник опять улыбнулся.

— Как твоя фамилия?

— Наумов.

— Ну вот что, Наумов, иди вон в ту землянку к начальнику штаба, я ему позвоню, куда тебя определить.

— Не пойду я к вашему начальнику штаба, и не звоните. Знаю... Хотите, чтобы он меня в глубокий тыл направил. Всё равно на фронт убегу!

И уже без всякого военного этикета Ванюшка отвернулся, смахнул слезу и пошёл в лес, не разбирая дороги.

Полковник посмотрел ему вслед, покачал головой.

— Товарищ Устинов, — сказал он вестовому, — догоните и доставьте мальчишку в роту Улябина. Командир роты пусть явится ко мне.

ШЁЛ август 1943 года. Пылили выжженные солнцем, изрытые войной степи Поволжья. Сюда, в самую гущу боёв, была направлена 107-я танковая бригада 16-го танкового корпуса.

Балки с узкими перелесками, как две капли воды похожие друг на друга. В одной из них приютилась станция Котлобань. От станции давно ничего не осталось, но за балку

шли ожесточённые бои. То и дело переходила она из рук в руки.

К концу дня командиру бригады доложили, что противник из балки окончательно выбит и пехота закрепилась на третьей линии его обороны. Потеряны три танка, два на своей территории, а третий (командира роты Улябина) подбит на нейтральной зоне. Судьба экипажа неизвестна.

В разведвзвод роты управления поступило приказание: выяснить судьбу экипажа и состояние машины.

Идти на задание надо было ночью, чтобы не попасть под прицельный огонь противника. Командир взвода решил послать на операцию двух разведчиков.

— Товарищ лейтенант, пошлите и меня третьим, я хорошо знаю местность, — вызвался боец Наумов.

За год он повзрослел, вытянулся, ему уже стукнуло четырнадцать лет. Это был уже настоящий боец в ладно пригнанном обмундировании. На груди поблёскивала медаль «За боевые заслуги».

— Они справятся вдвоём, — возразил командир взвода.

— Улябин мой второй отец, я первым должен знать что с ним, — решительно повторил свою просьбу Наумов.

— Хорошо, идите, — сдался лейтенант и подумал: «Влетит мне от командира бригады, если узнает... Полковник в самой тяжёлой боевой обстановке ухитряется оберегать парнишку...»

Ночь была тёмной. Со стороны Каспия тянулись набухшие тучи. В одиннадцать подошли к боевому охранению на передовой.

— Ни пуха ни пера, — сказал вполголоса офицер, сопровождавший разведчиков до нейтральной зоны.

Когда остались одни, Наумов сказал:

— Ребята, я точно знаю, где находится танк. Ещё днём всё тут облазал. Поползу-ка я один, а вы тут останетесь. Разведаю, что там случилось с Улябиным, и через сорок минут обратно. Идёт?

— Пожалуй, верно ты говоришь, — отозвался бывалый разведчик старший сержант Хорев. — Раз ты дорогу к танку знаешь, мы тебе явно обуза. Только вот что: если тебя не будет через сорок минут, ждём ещё двадцать. Не придёшь — идём вслед за тобой. А на случай разминёмся — жди нас здесь. Ориентир — вот это дерево с отбитой верхушкой; видишь, как оно выделяется на фоне неба.

— Договорились. Сейчас десять минут двенадцатого. — И Наумов растаял в темноте.

Через каждые десять — пятнадцать пластунских шагов короткая передышка: надо прислушаться, взглядеться в темноту. Метрах в пятистах немецкая передовая, она хорошо просматривается по разноцветным струйкам трассирующих пуль. Наша передовая молчит, с вражеской — то и дело слышны короткие автоматные очереди и пули почти непрерыв-

но посвистывают над степью. «Впереди должен быть куст. Точно, вот он. На девяносто градусов влево... камень. Метров через сто от него в маленькой впадине стоит наш танк».

Кругом машины — высохшая трава. Значит, танк не горел. Башня на месте, оружие направлено к немецкой пере-

— Живы, только ранены двое. Иди доложи, что мы могли бы уйти и раненых утащить, — машину жаль бросать: вся на ходу, только два трака на правой гусенице сменить. Пусть пришлют траки, попробуем на месте исправить и к утру своим ходом уйти.

— Есть, товарищ капитан!

довой. Убитых не видно. Наумов ещё раз, уже вплотную, ползёт вокруг танка.

Всё ясно: с переднего катка сорвана гусеница. Привычной рукой прощупывает, цел ли сам каток. Каток на месте. Где экипаж? Поднимается к смотровой щели. Как будто слышен какой-то стук. Нет, это стучит сердце. Опять прислушивается — тихо. Легонько стучит по триплексу смотровой щели.

— Ребята, я Наумов.

Вместо ответа поднялась крышка люка:

— Где ты, Ванюшка? — голос капитана Улябина.

— Товарищ капитан, что с вами?

И как будто светлее стало в степи, вроде и пули перестали свистать. Живы!

— Ты что, на разведку пошёл или на прогулку? Почему в рост идёшь? — услышал он рядом голос Хорева.

Но когда Ванюшка, присев, стал объяснять, старший сержант сам прервал его:

— Подожди, подожди, малый, своим ходом говоришь?.. — Несколько секунд Хорев молчит и потом чётко приказывает: — Боец Наумов, оставайтесь здесь, без меня никуда, понятно? Мы с Сенькиным принесём по траку. Каждый трак двадцать четыре кило. Тебе не сдюжить.

Долгий час ожидания, и наконец такая приятная ругань Хорева:

— Фу, будь они прокляты! На кой леший эти железяки такими тяжёлыми делают? Хотя бы алюминиевые, что ли, клепали...

И тут опять удивил старшего сержанта Наумов.

— Вы отдыхайте, теперь я один потащу.

— Как один? Мы вдвоём чуть кишки не надорвали, а ты один.

— Положу на плащ-палатку и потяну потихоньку. Я маленький, меня немцу тяжелее заметить, а шуму наведёшь — всё дело погубить можно.

— И жалко мне тебя, да что поделаешь, не у тещи на блинах. Только вот что, два сразу тебе не утащить, давай по одному. И тут же обратно! — приказал Хорев. — Они там без тебя справятся.

Ванюшка отполз на несколько десятков метров, волоча за собой трак. Стало ясно, что и так ему не дотащить. Вспомнилась пословица капитана Улябина: «Кому дома помирать, того пуле не сыскать». Он встал на ноги, впрягся в плащ-палатку и... повёз свой груз, низко нагибаясь к земле.

Шесть раз за ночь Ванюшка шёл почти на верную смерть, но она щадила его. В разведку да два раза с траками, да три раза порожнём к своим.

— **НА ЗНАМЯ** — равняйся! Замерла в строю 107-я гвардейская танковая бригада.

— Боец разведвзвода Наумов, выйти из строя!

Ночью билось спокойно, а вот тут замерло сердце у левофлангового.

— ...в результате проявленного мужества, находчивости и военной выучки боец-разведчик Наумов Иван Семёнович обеспечил ремонт танка в непосредственной близости от противника и возвращение машины в строй... Наградить орденом «Красной Звезды» и присвоить звание «младший сержант».

ВОТ ОН глядит с фотографии в день получения своего первого ордена — младший сержант Наумов. Улыбаться пока еще нечему, — впереди враг, жестокий и сильный, впереди еще много таких ночей. Переправа через Днепр и еще один орден «Отечественной войны второй степени». Впереди бои за Берлин, потеря второго отца — капитана Улябина, потеря родного брата Николая...

Демобилизовался Наумов в семнадцать лет.

Сейчас Иван Семёнович Наумов — главный механик строительного управления № 45 Треста № 36 Главзапстроя. О своих военных заслугах рассказывать не любит. Стесняется.

Рис. В. Орлова

ВЕЧНОЗЕЛЁНЫЙ Остров Свободы, страна мужественных людей, суровых к врагу, нежных к другу... Почти полгода провёл я на Кубе. Побывал в горах Сьерра-Маэстро, где накапливали силы отважные партизаны Фиделя. Побывал и на сафре — уборке сахарного тростника, — видел как блеск острых ножей — мачете — соперничает с блеском тропического солнца. И, конечно, заглянул в эскуэлу — так на Кубе называется школа.

Сколько вопросов задали мне юные кубинцы! И больше всего спрашивали они о вас, ребята, о своих советских сверстниках. Много, что обычно и привычно вам, для них в диковинку. Вот, например, рассказывал я, что вы любите нашу красавицу зиму, не боитесь мороза. Недоверчиво, встревоженно слушали меня. Им, жителям тропиков, холод кажется страшным бедствием.

Никогда не забуду я моих юных заокеанских друзей, их задорные, всех оттенков кожи, лица, их сине-белые пионерские галстуки. О кубинских ребятах я написал книгу «Хосе-весельчак». Вот несколько стихотворений из неё.

С. ПОГОРЕЛОВСКИЙ

Многоцветный мир

*Неистово краски с бумаги кричат.
Художника сердце не скупю.
Увидишь рисунки кубинских ребят —
поймешь, что такое Куба.*

*...Оранжевых звёзд ослепителен блеск.
Лучи голубые — как бивни.
На буйно-зелёный тропический лес
низверглись лиловые ливни.*

*...Течёт многоцветья людского река.
Знамёна всё небо заполнили.
А в гуще коричневых струй тростника —
мачете, как синие молнии.*

*...Цвет злого пожара,
Цвет грозной беды...
Качаются горы, дома и сады.
Опять перуанскую землю трясёт.
Измучены раненых лица.
Вдруг в тучах
блеснул голубой небосвод —
на помощь,
на помощь спешит самолёт!
Шлют кровь свою братья-кубинцы.*

*...А это вот — янки.
Он Кубе грозит.
Он бомбою машет большою.
И каждому ясно:
хоть белый на вид —
но чёрен он,
чёрен душою!*

*Глаза ему красные звёзды слепят.
Он пялится злобно и тупо...*

*Увидишь рисунки кубинских ребят —
поймешь, что такое Куба.*

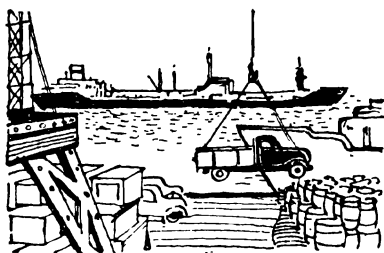
Встреча в Гаване

Над заливом
Утром ранним
Вспыхнул красный флаг.
Вот где встретились —
В Гаване,
«Самуил Маршак»!
Ты дарил в былые годы
Чудо-книжки нам.
Стал теперь ты теплоходом,
Ходишь по волнам.
Труд по-прежнему
ты любишь,
Без него — никак...
По каким делам на Кубе,
«Самуил Маршак»?

— Я стихом своим, бывало,
Бил врагов не раз.
Крепко Твистеру попало,
Не забудет нас!
Но грозит он Кубе вольной.
Знать, урок не впрок.
Как же в бухте
На приколе
Устоять я мог?!
Я спешил сюда пробиться
Сквозь туман и мрак...

«Что привёз
друзьям-кубинцам,
«Самуил Маршак»?

— Вот машины разных марок,
Ткани, трактора.
Книг тюки —
Тебе подарок,
Кубы детвора.
Будешь рада
Нашим сказкам,
Песенной строке —
На родном своём,
Испанском
Звонком языке!

Жаркое слово — САФРА

Жаркое слово —
САФРА.
Потное слово —
САФРА.
Но если не будет
жаркого пота —
не будет
сладкого сахара.

* * *

Звоном встречая
день на рассвете,
точим
мачете,
гочим

мачете.
Встречая солнце
в строю рабочем,
мачете
точим,
мачете
точим.

* * *

Стеблей шушащих
всё выше ворох.
Жара — всё злее.
Жара — под сорок.
Хоть трудно
людям —
работать рады.
Но очень нужен
глоток прохлады!

* * *

Тележку мальчик
везёт по кочкам.
Полна прохладой
толстуха бочка.
А путь под солнцем
нелёгкий, дальний...
Передохнуть бы
в тени под пальмой!
Но мальчугану
воображение
нарисовало:
идёт сражение.
Там наши рвутся
вперёд, к победе...
Как пулёмёты,
стучат мачете.
Но не хватает
бойцам снарядов.
Раз не хватает —
доставить надо.
Туда скорее!
Смелее к цели!
Не подведёт он
бойцов Фиделя!

* * *

Вот напились мы,
утёрли губы,
и словно стали
сильнее вдвое, —
у вольной Кубы,
народной Кубы
растут солдаты!
растут герои!

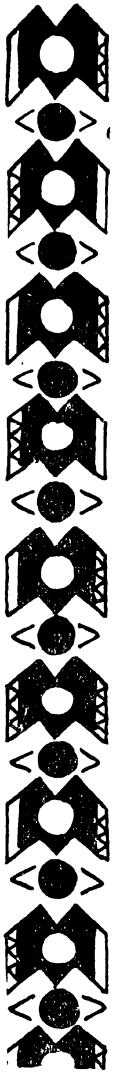
Пять сыночков, восемь дочек

Это — папа-папà.
Это — мама-мамà.
Пять сыночков,
восемь дочек —
ой, сойдёшь с ума!
Каждый день
до самой ночи —
КУ-ТЕРЬ-МА.

Гаспар залез на пальму.
Франкита — под корыто.
Козла в саду бодает
разбойница Розита.
Хосе, Рената, Анхель!
Бросайте все дела,
спасайте, выручайте
несчастливого козла!
Луиса и Лусия
объелись пирогами.
Камило и Карлота
гуляют вверх ногами.
А где же остальные?
Попрятались куда?
Бенито, Клара, Магда!
Ищи вас — вот беда!
Ищет папа-папà
Ищет мама-мамà.
Пять сыночков,
восемь дочек —
ох, сойдёшь с ума!

Это в день обычный, в будень.
Ну а что же в праздник будет?
В праздник дети
папе с мамой
марш сыграли
лучший самый —
кто как может,
кто на чём:
Луиса — на гитаре.
Лусия — на виоле.
Камило — на тромбоне.
Карлота — на кларнете.
Разбойница Розита
на бочке — кирпичом!
А подарков сколько разных
папе с мамой на праздник!
От Гаспара — пирог
(сам испёк, но дож не сжёл).
От Бенито — букет
(еле-еле приволок).
От других ребят —
целый зоосад:

крокодилчик криволапый,
змеи, черепахи...
От восторга мама с папой —
в ужасе и в страхе!
Счастлив папа-папà.
Рада мама-мамà.
Пять сыночков,
восемь дочек,
каждый день
до самой ночи —
КУ-ТЕРЬ-МА.
Без неё — такая скука,
что сойдёшь с ума!

В этот зимний знойный день

Здесь, на Кубе, никогда
не бывает снега, льда,
но мальчишки
и девчонки —
конькобежцы хоть куда.
День-деньской
вперёд-назад
мчатся ролики, спешат.
Лепестки летят с деревьев,
словно это — снегопад.

* * *

Здесь, на Кубе, в январе
жарко даже на заре —
всё же ёлка,
чудо-ёлка
с гор приходит к детворе.
Санта-Клаус —
здешний дед —
не по-нашему одет.

Хороши у ёлки песни,
Но слова — не наши, нет.
Не понять их, как на грех,
но понятен детский
смех, —

он в Гаване,
и в Рязани
одинаковый у всех.

* * *

Непокорна и грозна
океанская волна.
Между нами —
даль и буря,
но судьба у нас — одна.

Рис П. Вискова

ЖАВОРОНКИ ПРИЛЕТАЮТ СЮДА

КАК СКВОЗЬ ЗЕМЛЮ...

Колька не соврал. В субботу с утра Васькин отец подал на лесную поляну грузовик с прицепом. Поздоровавшись с дедом Михасем за руку, он оглядел заготовленные брёвна, жерди, осиновые плахи, прикидывая, сколько получится рейсов.

— С чего начнём грузить,

Продолжение. Начало в «Искорке» № 1.

хлопцы? — не без лукавства спросил Кузьма Савельевич.

Колька Карасев хотел было что-то сказать, но Сашка успел дёрнуть его за рукав: не торопись, мол, советовать, пока ещё не слышали слова старшего!

Одуванчик окинул глазами свою артель, как бы выжидая, не подаст ли кто дельный совет. Но все почтительно помалкивали.

— По мне, так лучше нака-
тить сперва толстые, а на-
верх — что полегче, — негром-
ко сказал он.

— Правильно! — подхва-
тил Егор. — Одуванчик — го-
лова! Толстые, что ли, катать
потом на верхотуру? Отвали-
вай борт, хлопцы, и айда стой-
ки затёсывать.

Откинули правый борт, а
вдоль левого загнали в специ-
альные гнёзда четыре берёзо-
вые стойки. Сашка с Егóром
поднесли два тонких бревна,
уложив их вершинами на края
кузова и прицепа, а комлями
на землю. Чтоб не катались,
Васька вырубил топором в
дёрне две ямки и столкнул в
них комли.

— Лежат как мёртвые! —
крикнул Егор. — Давай нака-
тывай!

— Стоп! — распорядился
Одуванчик. — Нет ли у вас ве-
рёвки, дядя Кузьма?

— Есть. А тебе зачем?

— Для погрузки. Вручную
то опасно катать такую тя-
жесть перед собой. Ну как
бревно по наклону пойдёт об-
ратно!

Кузьма Савельевич перегля-
нулся с дедом Михасем, похва-
лил:

— Ты, дедушка, видать, не
дремал тут. И леса назагота-
вливал, и парней обучил. Это ж
профессор по лесному делу! —
кивнул он на Одуванчика.

К обеду весь заготовленный
лес уже лежал у свежего кот-
лована. Теперь оставалось до-
ждаться плотника Андрея
Клешнёва и можно начинать
строительство. Но бригадир

вызвал его лишь на понедель-
ник. А пока — делай, что хо-
чешь.

Перво-наперво лесная ар-
тель отправилась купаться.
Кое-кто даже мыло не забыл
прихватить, чтоб избавиться от
въевшейся в руки смолы.

Егор первым намылил ладо-
ни, смыл, а они такие же чёр-
ные, как и были.

— Погоди же! — рассердил-
ся он и, намылив снова, за-
черпнул горсть песка, начал те-
реть его вместе с пеной.

Но даже и это не помогло:
смола как приварилась.

Слова не говоря, Сашка на-
дел штаны и побежал домой.
А обратно прикатил на своём
моторном велосипеде.

— Бензином решил? — до-
гадался Васька.

— Бензином!

Отвернув пробку бензобака,
Сашка окунул в него тряпочку
и на глазах у всех начисто вы-
мыл свои просмолённые ладо-
ни.

— Дай сюда! — выхватил
Егор тряпку и тоже в минуту
избавился от смолы.

Колька Карасёв молчком
взял у Егора тряпку, протёр
ладони и хотел передать ря-
дом стоявшему Одуванчику,
да раздумал — отдал Гришке
Князеву: Карась всё ещё был
зол на Одуванчика, на Егора и
особенно на Сашку — за соль.
Он медленно забывал свои
обиды.

Выкупались. Повалялись на
песке и ещё два раза выкупа-
лись. Потом Егор нацелился
пальцем на Сашкин мотор и
спрашивает:

— А что там внутри?

— Много чего есть, — улыбнулся Сашка. — Вот тут коленвал, а повыше — поршень в цилиндре ходит...

— Что за поршень? — заинтересовался Егор. — Сколько раз слышал, а сроду не видал.

— Хочешь посмотреть?

— Ага.

Достав из поседельной кожаной сумочки инструмент, Сашка присел на колени и решительно наложил торцевой ключ на торчащую в углублении гайку.

— Сдурел! — удивился Васька. — Неужели решил снять цилиндр?

— Решил! — кивнул Сашка.

— Какой же смысл? Его ж только для ремонта разбирают. Долго ли прокладки порвать. Потом ищи-свищи...

— Всё правильно! — подтвердил Сашка. — А если хорошему человеку поглядеть охота? Постараемся разобрать аккуратненько, чтоб и резьбу на шпильках не сорвать, и прокладочки сохранить в целости. Понял?

Сашка расстелил на песке тряпку, по углам притиснул её камешками, а в середине упором кулака сделал лунку. Лишь после этого он отвернул

четыре гайки, снял шайбы, аккуратно положил в углубление на тряпке.

Все, конечно, нависли над ним, потому что каждому интересно, даже Кольке Карасю. Сашка одной рукой придерживает ребристый цилиндр, а другой тихонько головку на себя тянет, пошатывая. Вскоре головка начала отходить, образуя щель.

— Прокладка вкруговую на цилиндр налипла, — успокоил он Ваську и уже смелее потянул головку.

— Хо! — удивился Егор. — Какой-то закоптелый пяточок там в дырке.

— Сейчас ты его увидишь, даже пощупаешь, — пообещал Сашка и сильным движением снял со шпилек цилиндр.

Егор теперь увидел уже не пяточок, а скорее алюминиевый стаканчик, насаженный на тёмный четырёхгранный стержень. Весь гладенький, и лишь у донышка в канавках три кольца вставлены, чуть выступающие над поверхностью стаканчика.

— Это, по-твоему, что? — спросил Сашка.

— Поршень и есть! — неожиданно выпалил Карась. — А кольца надеты для компрессии, чтобы газы не прорывались...

Сашка с Васькой аж присвистнули: не сон ли? Уж от кого другого, а от Карася они никак не могли ждать такого правильного ответа.

— Точно! Ты, Карась, оказывается, настоящий механик, — похвалил Сашка и

опять повернулся к Егору. Осторожно подцепив ногтями разрезанные пружинистые кольца, он их снял одно за другим, положил на тряпку.

— Зря ты, Зима! — предостерёг Васька. — Гляди не сломай.

— Не зря. Раз уж разобрали, надо канавки бензинчиком промыть от нагара.

Егор с великой осторожностью ощупал поршень, покачал его слегка на шатуне, потом взял с тряпки цилиндр, заглянул в его отверстие против солнца.

— До чего гладенькая дыра! Сверкает не хуже зеркала...

— Правильно, — улыбнулся Сашка. — Эта дыра так и называется — зеркало цилиндра.

Все смотрели, все ощупывали, задавали разные вопросы. Отвечали, понятно, лишь Сашка с Васькой. Карась-то в действительности не знал ни бельмеса.

Выждав, пока все насмотрелись, Сашка протёр смоченной в бензине тряпочкой закоптелые канавки на поршне и приступил к сборке. Надел одно кольцо, второе, потянулся за третьим, а его-то и нет. Поднял с тряпки цилиндр, пошевелил пальцем гайки и шайбы, даже камешки по углам — нету!

— Где ж третье? — недоумевая, пошарил он глазами вокруг тряпки.

— Тут были. Все три лежали в углублении! — ответил удивлённый Васька.

— Точно! — подтвердил Одуванчик. — Все три.

— Стойте на месте! — крикнул Егор. — А то затопчете.

Он окинул взглядом бесчисленные отпечатки ног на рыхлом песке, с досадой поморщился и, взяв у Сашки отвёртку, начал осторожно раскапывать следы один за другим. Сперва поближе к велосипеду, а потом и подальше. Все с надеждой следил за Егором, встревоженные и поникшие.

— Беги за граблями! — приказал Одуванчик брату. — Весь берег прогребём, а найдём...

Но и грабли не помогли. Кольцо как сквозь землю провалилось.

— Шут с ним! — махнул рукой Сашка. — Не ночевать же тут. Мотор и на двух кольцах пока поработает. А случится быть в городе — куплю в спортивном магазине новый комплект. Он и стоит-то всего ничего.

Пока Сашка собирал мотор, всем было стыдно и как-то неуютно. Особенно Егору, который считал себя главным виновником.

— Дёрнуло ж меня за язык, — сетовал он. — Не интересуюсь я, так и не разбили бы.

БРИГАДИРОВА АРИФМЕТИКА

В воскресенье с утра Сашка с Васькой решили заглянуть на ферму. Спустились к речке и у самого мостика встретили девочек — Катю Перепелицину и Надю Лопухову.

— Привет мастерам электродойки! — поздоровался Сашка.

— Привет славным строителям плодохранилища! — ответила бойкая на язык Надя. — Куда путь держите?

— Да так... никуда, — замялся Васька. — Просто пройтись. Это вашему брату, девчонкам, каждый день праздники, а у нас только по воскресеньям.

— Во-первых, не брату, а сестре, — поправила Надя. — А во-вторых, кончились наши праздники.

— Как это — кончились?

— А вот так! — повела Надя тёмной бровью и, усевшись на перила, чтоб быть повыше, объявила новость: — С завтрашнего дня открываем детский сад! Понятно? Это вам не топорами махать.

— Непонятно, — усмехнулся Сашка. — Должно быть, солнышко нагрело темечко — вот тебе и привиделось...

— Не привиделось! — вспылила Надя. — А не верите, так у Кати спросите или у самого бригадира.

Опасаясь розыгрыша, Сашка и Васька повернулись к Кате.

— Верно, мальчики, без шуток, — подтвердила она. — Этот дядя Митрофан до чего хитрый... Вчера вечером вызывает к себе и спрашивает, какие у нас с Надюшкой оценки по математике. Хорошо, что пятёрки, а то бы провалиться... «Ну, — говорит, — если пятёрки, то, не иначе, мы эту трудную задачу решим», — и начал загибать пальцы, подсчитывать деревенскую малышню поимённо. Насчитал одиннадцать человек, поморщился, будто зелёной антоновки откусил, и спрашивает: «Сколько надо женщин, чтоб весь день одиннадцать детских носов были сухими и чистыми, а одиннадцать брюх сытыми? Не знаете? Ну так я вам скажу: от силы две! Выходит, девять пар женских рук без всякого ущерба можно освободить для уборки. Но девять мало, нам все одиннадцать позарез нужны! Догадываетесь, к чему этот разговор?» — «Детский сад?» — сообразила Надюшка. «Вот-вот! Принимайте-ка вы эту сопливую гвардию, и чтоб матери на вас надеялись, как на себя. Я уж и помещение присмотрел. Если маленько оборудовать сенной сарай деда Михася, то чем не детский сад? Скота там и близко нет, значит, без мух. Постелите им простыни да подушки на пахучее сено — будут храпеть, как солдаты на привале». — «А кормить? Им же не только носы вытирать», — вспомнила я.

«Верно! Придётся и кормить. Но об этом уж пускай мамки позаботятся. Вместе с ребятами они вам и обед будут доставлять в судках. А разогреть долго ли на плите?» — «Недолго, — согласилась На дюшка. — Вот только как быть с дневной дойкой? Мы ведь всё лето доим... Вернее, мамкам помогаем». — «Это самое простое, — усмехнулся дядя Митрофан. — Кто ж тебе не даёт устроить на время дойки тихий час в детском саду? Пока спят, глядишь, и управишься. А за спящими-то и бабке Маланье будет не в тягость присмотреть. Вот купаться их водить на мелководе или там сказки рассказывать — это уж придётся вам. На то вы и пионерия».

В ЧУЖОЙ КАБИНЕ

Колька Карасёв ещё издали заметил сидящую на перилах компанию. И хоть ему любопытно было узнать, о чём там идёт разговор, он решительно свернул с дороги, побрёл кустами к броду. Задрав штаны, перешёл речку, обогнул бугор и никем не замеченный вышел к ферме. Связка ключей в кармане давно толкала беспокойного Караса к колхозному самосвалу.

У Кольки не было плохих намерений. Ездить на машине он и не помышлял, потому что не умел. А вот забраться в кабину, разглядеть там всё, потрогать, посидеть за рулём Карасю хотелось. Первым делом хотелось проверить, подойдёт ли хоть один ключ из связки. Если подойдёт, это же будет

величайшим Колькиным торжеством. Мало что Васька да Сашка умеют ездить, а где у них ключи?

Суеверный Карась решил выбрать ключ не глядя, на ощупь. Он долго перебирал в кармане связку, пока не почувствовал на одном из ключей едва ощутимый надрез возле ушка. «Этот! — почему-то решил Колька. — Если не этот, ни один не подойдёт!»

Воровато озираясь, он подобрался к голубой дверце кабины, вставил ключ в скважину, повернул. Негромкий щелчок — и дверца чуть отошла. Дрожащей от волнения рукой Колька отворил её, забрался в кабину и захлопнул. Прямо перед ним была гладенькая чёрная баранка — только руку протянуть. Но он не протянул: не забыл ещё, как заорала тогда председательская «Волга!»

Сперва сидел тихо, как мышь, разглядывал всё кругом, потом отвалился на спинку, раза два подпрыгнул на упругой подушке сиденья и посмелел. Видит: справа какая-то рукоятка с чёрненьким шариком на конце из пола торчит. Ухватился за шарик, качнул к себе. Рукоятка оказалась тугой, но поддалась. Правда, при этом что-то негромко хрустнуло под полом. Выждав малость, Колька углядел и другую рукоятку. Эта уже без шарика, а с каким-то оттопыренным железным язычком. Что за язычок, и для чего он? Взял да нажал его! Рукоятка мгновенно пошла вперёд и потянула Колькину руку, где-то внизу громко зашипело. Отдёрнув руку, перепуганный Карась снова выждал и успокоился. Начал разглядывать стрелки на приборах.

Тем временем внизу, на мостике, продолжалась беседа. Сидя на перилах и беспечно болтая загорелыми ногами, Катя Перепелицина доказывала мальчикам, что малыши хоть и глупые ещё, а с ними куда интереснее, нежели на стройке.

— Это вам не бездушная древесина, а живые человечки. — Живые, да соплив... Смотрите! — перебил себя Сашка и показал в сторону фермы.

С бугра, на глазах наращивая скорость, задним ходом катился самосвал.

— Чего это он? Неужели папка забыл на тормоза поставить? — перепугался Васька. — А ну клади бревно поперёк дороги! Скорей!

У мостика ещё с прошлогонего ремонта оставалось несколько толстых высохших брёвен. Васька с Сашкой сорвали верхнее, покатали в сторону, потому что самосвал нацелился явно мимо моста.

— Держать! — приказал Сашка, а сам кинулся навстречу машине, заходя с левого борта.

Карасю бы выскочить, да поздно спохватился. Страх пригвоздил его к сиденью, заставил зажмуриться... «Будь что будет!» — панически сработал мозг, уже не способный ничего приказать.

Сверху летел грузовик, превращённый в снаряд. А снизу, навстречу ему, преодолевая жуть, трое катили бревно. За один конец — Васька, за другой — Катя с Надей. Катили в спешке, из последних сил, оскальзываясь на траве и обдирая ладони. Только бы подальше от обрывистого берега да поближе к грузовику, пока он не разогнался ещё быстрее!

— Бросай! — крикнул Васька.

И в ту же секунду разъярённые скаты ударили в бревно, перелетели его, как соломинку... Кр-ряк! Машина присела на рессорах и пошла юзом, слизывая траву, выворачивая глину, но явно сбавляя скорость. То Сашка оказался в кабине. Он-то и прихватил самосвал изнутри за все четыре колеса ножным гидравлическим тормозом.

Катя услышала Васькину команду, но не успела её исполнить. Налетевшие скаты

чуть подбросили конец бревна, и тут ей обожгло правую руку. Слабо вскрикнув, она попятилась, села на траву и уже не видела, как вылезал из укрощённого самосвала почерневший, словно обугленный Сашка, как вывалился в правую дверцу и дал стрекача нашкодивший Карась.

— Василь, быстро за батской! — хрипло приказал Саш-

ка. И к Наде: — А ты не стой вороной, беги намочи в речке косынку. Живо!

Присев на колено рядом с побледневшей Катей, он через силу улыбнулся, погладил её по светлым волосам и как можно бодрее сказал:

— Потерпи, Катюха! Сейчас мы тебя в город с дядей Кузьмой, в больницу. Там мигом отремонтируют.

Как ни торопился Васька домой, а страшная весть его опередила. Навстречу, не разбирая дороги, без кровинки в лице бежала тётка Наталья, Катина мать. За ней скопом — мужчины, женщины и ребята. Тут и отец. Гремя сапогами, он вырвался вперёд, крикнул Ваське:

— Все ли живы?

— Живы, батя! — задыхаясь, прокричал Васька и, развернувшись, помчался вслед за отцом.

— Доч-ченька-а! — заголосила тётка Наталья, кидаясь на траву рядом с Катей. — Что ж они, ироды, с тобой сделали!

— Успокойся, мама, ничего со мной не случилось! — перебивая боль, улыбнулась Катя. — Только руку маленько ударило.

— Покажи, покажи!

Катя развернула укутанную мокрой косынкой руку и даже сама испугалась: пальцы посинели, стали толстые, как сардельки.

— Вот так маленько! — закричала тётка Наталья. — Люди, что вы стоите! Это ж без руки остаться...

— Что ты, милая, что ты? — грозно зашептала Матрёна Костылёва, с силой поднимая тетку Наталью и отводя. — Гляди: Кузьма уж и машину завернул. Беспременно в больницу надо. А на докторов, милая, надейся. Надейся, тебе говорю.

Сашка зашёл с левой, здоровой руки, подхватил Катю под мышку:

— Хватит сидеть, Катюха, поедем. Некогда нам сырость разводить, правда?

— И я с ней! — рванулась мать. — Тоже в больницу.

Осторожно подсадив в кабину раненую Катю, Сашка повернулся и заявил властным голосом:

— Вам бы, тётя Наталья, лучше остаться. Ну какая из вас теперь помощница? А там, может, побегать придётся и на горло взять. Не забывайте, что сегодня воскресенье — выходной в городе. Лучше бы мне поехать. У меня ж и глотка — будь здоров, и на ногу лёгок. Враз управимся с дядей Кузьмой.

— Дело говорит, дело! — согласно закивала тётка Матрёна. — Этот прохиндей из-под земли достанет, если что забрал в голову.

Весь день деревня томилась неизвестностью. Никакая работа в руки не давалась. Там и сям собирались кучками, вздыхали, вполголоса обсуждали свалившуюся беду и с тревогой ждали из города машину. Младшему поколению за этот день досталось от матерей столько шлепков, что, пожалуй, на добрый месяц хватило бы.

Когда солнце повернуло уже к закату, Васька первым углядел взвившееся над дорогой облако пыли:

— Едут!

И стар и мал высыпали на улицу, начали глядеть вдаль, прикрываясь ладонями от солнца. Едут-то едут, да все ли, и чем там дело кончилось?

Егор долго целился из-под ладони в ветровое стекло самосвала и наконец заорал на всю деревню:

— Трое в кабине, лопни мои глаза!

Вскоре и другие рассмотрели, что трое. Сразу повеселели, загудели в полный голос. А тут ещё Сашка высунулся в окошко кабины, задорно помахал в воздухе рукой.

Тётка Наталья рванулась было навстречу, но Матрёна Костылёва с силой усадила её на лавочку:

— Никуда не денутся! Сей секунд тут будут.

Как только машина остановилась, выпрыгнул Сашка. А вслед за ним и Катя с подвязанной рукой.

— Что, доченька, что?

— Всё хорошо, мама, и ни капельки не болит! Крохотная трещинка на указательном...

— Трещинка?!

— Ну да! Её бы и не заметить без рентгена. Доктор сказал, мол, счастливо отделалась. Через неделю уж и гипс снимут, если хорошо пойдёт.

Егор и Васька покосились на белую каменную рукавицу, охватившую Катину руку, и молча переглянулись с Сашкой.

Тот неприметно кивнул. Мол, всё — сушая правда!

КОРОВА — НЕ ТИГР

В этот же день Сашка проведal Карася. Пришёл и застал дома всё семейство.

— Поклон тебе, герой! — встал с табуретки Колькин отец. — Спасибо, что зашёл.

А то нам теперь из-за этой орясины на люди хоть глаз не кажи... Чего сидишь? — повернулся он к Кольке. — В ногах должен валяться, а не сидеть перед своим спасителем. Он же тебя, считай, с того света вызволил.

Сашка покраснел и даже растерялся от похвалы.

— Ладно вам, дядя Пётр! Я ведь не за этим пришёл.

— А зачем?

— Надо насчёт Кольки посоветоваться. Он же не нарочно, а по незнанию...

— По дурости! — поправил Колькин отец. — О чём жетут советоваться?

— О том, что, наверно, придётся ему теперь вместо Кати доить. Катя-то тетке Наталье аж с самой весны помогает на ферме.

— Доить? — удивился Пётр Карасёв. — Так он же не знает, где у коровы вымя. Слышь, мать, что Саша придумал?

— Слышу, отец. А знаешь, он дело говорит. Чем же другим нам оправдаться перед Натальей, как не этим? Виноваты-то мы...

— Не пойду! — взноровичился Колька и глянул исподлобья на мать. — Тётка Наталья меня теперь и на глаза не пустит.

— Пустит! — заверил Сашка. — Мы с Катей уже договорились, пока ехали обратно. Сперва-то она и слушать не хотела, а потом одумалась. Одним словом, я ей доказал, что корова — не тигр, и если она отдаёт свое молоко девчонкам, то мальчишкам ещё скорей отдаст, особенно при электриче-

ском доении. Есть, правда, кое-какие нехитрые секреты в этом деле, так это тоже не алгебра, я могу их тебе по пальцам перечесть. Перво-наперво подходи к корове справа, а не слева, — загнул Сашка палец. — Второй секрет ещё проще: если корова, отмахиваясь от мух, лупит тебя хвостом по морде, терпи как мёртвый, — на полном серьёзе загнул он второй палец. — А ещё про подойник. Его полагается держать в коленях. И когда бурёнка бьёт по подойнику ногой у доярок считается: пускай нога пополам, а молоко чтоб было цело, не пролилось. Понял? Ну и ещё десятка полтора мелких секретов: по гигиене, по музыкальному воздействию... Оказывается, коровёнки-то музыку уважают, и каждой подавай свою. У Кати там всё расписано — кому во время дойки напевать «Подмосковные вечера», кому «Колыбельную» или, к примеру, «Разлуку», а кому и просто сказку рассказывать — про Дюймовочку или хоть про Каштанку.

Сделав короткую паузу, Сашка дружески подмигнул Кольке и продолжал:

— Чтоб не стыдно было одному среди женщин и девченок, первое время будем вдвоём доить. А там привыкнется. И если уж кто из мальчишек хи-хи да ха-ха — скажешь мне. Понял?

У Караса как камень с души. Ведь за эти часы, пока самосвал возил в город пострадавшую Катю, он успел многое передумать. Если по правде,

так он обрадовался Сашке, хоть ждал от него совсем другого. Скорее рассчитывал получить в ухо или в крайнем случае по шее. Но даже и это он считал теперь справедливым. Уж лучше по шее, зато потом ты опять человек, а не поганка!

А Сашка-то, оказывается, вон какой парень! Вместо того чтобы накомылять, он ещё заступился за Кольку перед отцом и сам согласен доить на пару. Какой же дурак откажется?

— Идёт! — согласился Карась. — А когда начнём?

— Сегодня, — деловито объяснил Сашка. — Как пойдёт с поля колхозное стадо, беги к ферме встречать. Коров же, пока доить, надо сперва по местам расставить да привязать на цепи.

РОСА НА ИСХОДЕ

В понедельник хозяйки растопили печи чуть не затемно. Предстояло отстрять, накормить семьи, дать порядок скотине и поспеть к ферме на утренний наряд. Мало поспеть — быть среди первых!

И когда бабка Анисья с дочерью и зятем появились на залитой росой улице, они сразу были замечены соседками. Там и сям стали отворяться двери, выпуская целые семейства. Женщины опытным глазом мгновенно оценивали, кто как одет, потому что это утро хоть и не праздничное, но и не рядовое — первое утро страды! И не было во всей деревне хозяйки, которая не выдала бы ради такого дня мужу или сыну

свежей рубашки, не позаботилась о своём наряде. Тут важно было соблюсти меру: не явиться расфуфыренными, как на ярмарку, но и не отстать от других.

Перебрасываясь шутками, оглядывая друг дружку, двинулись по улице пёстрой тол-

липп Соломин, в наглухо застёгнутом комбинезоне, в поднятых на лоб комбайнерских очках, деловито похаживал возле своей ещё с вечера до винтика проверенной и в меру смазанной машины. Возле него крутились Сашка и Колька Карасёв, а чуть поодаль о чём-то

пой. Кое-где, держась за материнский подол, семенили ещё не совсем проснувшиеся младшие жители деревни. А кто постарше — вышагивали отдельно, в своём косяке.

У фермы, в ряд с самосвалом, уже стоял комбайн. Фи-

разговаривали с дедом Миха-сем и плотником Андреем Клешнёвым воспитательницы детсада Надя и Катя Перепелицина с подвязанной правой рукой. Дядя Митрофан, облокотясь на крыло самосвала, что-то быстро записывал в

свою карманную бригадирскую книжку, время от времени поглядывая на поднимавшихся по склону колхозников. Гладко выбритый, в новой розовой рубашке, он в это утро словно помолодел.

Пока шли, Егор с Васькой недоумевали, куда это подевался Сашка Зима? А теперь, увидев его и Карася возле комбайна, ещё больше удивились. Они ведь не знали, что Сашка с Колькой подрядились работать доярами и в это утро провели под присмотром Кати уже вторую свою дойку.

— Гляди, какой красивый! — пошутил Васькин отец, указывая на бригадира. — Ни дать ни взять — жених!

Дядя Митрофан захлопнул книжку, по-военному оправил под ремнём рубашу и поклонился колхозникам:

— Привет хлеборобам! Поздравляю с началом уборки!

— Привет, привет! — отзывалось несколько голосов. — А всё ли готово? Нам чтоб без простоев — работать так работать...

— Как у маршала перед генеральным штурмом Берлина! — ответил бригадир, показывая свою записную книжку. — Тут полные выкладки на все случаи жизни. И если нас техника не подведёт, то...

— Не подведёт! — заявил Филипп Соломин. — Ты мне погоду обеспечить, за остальное ручаюсь.

Бригадир покосился на небо, пожал плечами:

— Я хоть не бог Саваоф, однако обеспечу. Прогноз на

погоду отличный. И если не станем зевать да попусту языками молоть, то и будет у нас, как говорится, не только синица в руках, а и сам журавль.

Окинув глазами толпу, дядя Митрофан заметил старого Михася и смутился:

— Присел бы, дедушка, хоть на подножку самосвала!

— Постою! — сурово отмахнулся дед Михась. — Я перед хлебом сроду на ногах, как перед генералом. Командуй своё!

И тогда бригадир снова взял в руки власть:

— Катерина Перепелицина! Веди свою команду на место и не задерживай там матерей. А для вас, ребятишки, с сегодняшнего дня будет всего две мамки: вот она, — указал он на Катю, — и ещё Надежда Лопухова. Слушаться и не хныкать! А теперь марш в детский сад!

Проводив глазами Катину гвардию, окружённую матерями, бригадир продолжал:

— Шумаев Павел!

Из раздавшейся толпы вышел Одуванчик с топором в руке, вскинул тёмные брови.

— Под твою ответственность отдаётся бригада молодых строителей. Инженером у вас будет дядя Андрей Клешнёв, а старшим инспектором — дедушка Михась, как и в лесу. К сентябрю плодохранилище чтоб стояло готовенькое! Будет?

Одуванчик оглянулся на свою артель, потом на деда Михася, дядю Андрея и твёрдо обещал:

— Будет!

Теперь на площади остался лишь взрослый, солидный народ — главная ударная сила страды.

— А вы и сами знаете всё про хлеб, — негромко сказал бригадир. — Так что речей не ждите. В аккурат и роса на исходе — самое время быть в поле. Правильно я говорю, дедушка? — повернулся он к Михасю.

— Время! — подтвердил старик и снял с головы праздничную фуражку. — В добрый час! Спасибо за честь, Митрофан.

Филипп Соломин взошёл по лесенке на комбайн, запустил ещё загодя прогретый двигатель и привычно тронул машину. Разом вскинулись на плечи вилы, грабли, деревянные лопаты, и вслед за комбайном степенно двинулись к Бородинскому полю его работники и повелители.

...ЛЮБИ И САНОЧКИ ВОЗИТЬ

Вырытый котлован предстояло доделывать вручную: выравнивать днище, подрезать углы и стены. На эту тяжёлую работу добровольно вызвались Сашка, Егор и Колька Карасёв. Остальным Одуванчик велел тесать балки, стропила и жерди.

Приглядываясь к своим малолетним помощникам, Андрей Клешнёв достал из сумки намотанный на дощечку длинный шнур с гирькой на конце и завёрнутую в кусок мешковины обыкновенную головешку.

— Почерни-ка! — велел он Ваське.

Но Васька не понял. Взял шнур, головешку и не знает, что с ними делать. А спросить стесняется.

— Давай вдвоём! — подбежал Одуванчик. И, сунув Ваське гирьку, велел держать. А сам обмотал шнуром в один оборот головешку и начал дёргать вперёд-назад, отходя. Шнур на глазах чернел, покрываясь угольными чешуйками и становясь словно чуть потолще.

— Готово! — крикнул Одуванчик, когда вычернил метров двенадцать шнура. — Хватит такого конца?

— Хватит, — взглянул плотник. — Несите сюда.

Он подошёл к бревну, не целясь, вонзил с комля топор и, чуть пошатав его, вынул из щели.

— Защемляй! — скома н довал, а сам отошёл к вершине и тоже вонзил топор.

Васька сразу сообразил, что делать. Сунул шнур в прорубленную щель, дёрнул за гирьку, чтоб закрепить, и глянул на Одуванчика. Тот проделал то же самое, но с другого конца. Натянутый шнур лежал теперь вдоль бревна чёрной струной. Плотнику осталось лишь ущипнуть эту струну в середине и отпустить. На свежей, но уже обожжённой солнцем и слегка пожелтевшей древесине отпечаталась ровненькая черта, как линейка в тетради.

Разлиновав ещё несколько брёвен, дядя Андрей взял свой тяжёлый плотницкий топор, по-

трогал его отточенное жало и, переступив бревно, сделал вдоль горбыля несколько глубоких косых надрубов, пятясь от комля к вершине. А потом снова зашёл с комля, размахнулся и одним ударом отвалил толстую тяжёлую щепку, чуть не в метр длиной. Всем стало ясно, что, не будь надрубов, щепка не отвалилась бы, а лишь защемила топор.

— Вот так и тесать, — объяснил Клешнёв. — Остерегайтесь сучков — на них топор может срикошетить да по ноге. А ещё особенно близко к черте не врубайтесь. Лучше уж мы потом сами вчистую пройдем с Шумаевым, — уважительно назвал он Одуванчика по фамилии.

(Окончание следует)

О. ТАРУТИН

В одном пруду

Как-то утром головастик
хвост увидел в первый раз.
И воскликнул он:

— Ура!

Я — Хвостатик!

Я — Хвостатик!

Ах, какое это счастье —
я не тот,

что был вчера!

Я теперь Головохвостик!

Головасто-хвостуняк!

Все скорей плывите

в гости —

полюбуйтесь на меня!..

Головастики смотрели —

сто четыре малыша.

Насмотревшись, ряску ели.

И уже в конце недели

превратились в лягушат.

Комаров и мошек ловят.

Все — красавцы наподбор...

Ну, а тот —

Хвастоголовик —

головастик до сих пор.

Рис. В. Абаева

* * *

У соседей телевизор
что-то начал барахлить.
Вот ведущий — сплюснен
снизу,

и его не удлинить.
Он и сам каким-то чувством
понимает, что не то:
то закашляется густо,
то ко лбу метнёт платок...
Заикается всё пуще
и тоскливо смотрит вниз...
Отключается ведущий —
сплюснен оперный артист.
Вот сейчас начнёт

сбиваться,
не возьмёт высоких нот...
Может, хватит издеваться,
может, выключим?

Ну вот —
сразу стало как-то легче,
словно я кого-то спас.
Пой, артист,
ходи беспечен,
ловок, строен и горласт!

ЛИДИЯ Ивановна Острецова пишет о собаках. Только о собаках. И это, наверное, очень разумно, когда человек пишет о том, что хорошо знает и искренне любит.

Лидия Ивановна — первый в Ленинграде мастер спорта по дрессировке собак. Много её четвероногих друзей несут сейчас службу по охране государственной границы СССР, стерегут важные государственные объекты.

Лидия Ивановна написала две увлекательные книжки: «Мой Акбар» и «Юный дрессировщик». По её устным рассказам известный ленинградский писатель Юрий Павлович Герман создал сценарий кинофильма «Дай лапу, друг». Да и работы самой Лидии Ивановны каждый из вас может не только прочесть, но и увидеть в кино.

Л. ОСТРЕЦОВА

ЖИВЬ

СОБАЧИЙ РЫНОК

Мрачным мартовским днём я уже в который раз без особой надежды заглянула на рынок, где торгуют собаками. Есть у нас такой «собачий рынок». Я искала «артиста» для съёмок кинокартины «Учитель пения». Не одно воскресенье я провела здесь, а в будние дни выезжала в пригороды. В городе беспородную собаку (а нам нужна была обязательно беспородная) найти трудно. Но пока все мои поиски были напрасными.

Фильм был цветной, и собака требовалась рыжая и лохматая. Я уже находила рыжих лохматых собак, приводила их на студию, но все они не вызывали симпатии: не нравились ни режиссёру, ни оператору. Одни были слишком тихие, забитые, другие слишком злобные, а третьи мор-

При её помощи созданы фильмы: «Барбос в гостях у Бобика», «Дай лапу, друг», «Зелёные цепочки», «Учитель пения», «Последние дни Помпеи», «Свистать всех наверх»!

На мой взгляд, в рассказах Л. И. Острецовой существует ещё один очень важный для ребят, да и для взрослых, момент — люди, стоящие за этими прекрасными собаками. «Собачьи» рассказы Л. И. Острецовой — это рассказы о добрых и мудрых людях и их верных четвероногих друзьях. В заключение хочу сказать: прочитайте рассказы Лидии Ивановны Острецовой внимательно — это хорошее, но не развлекательное чтение.

Радий ПОГОДИН

Рисунки Ю. Бочкарева

МОЛОДЕЦ!

дой не вышли. Хотелось, чтобы собака была обязательно весёлой, подвижной и сообразительной.

Ходить и смотреть, как торгуют собаками, занятие неприятное: ужасно жалко этих притихших, всё понимающих и покорных своей судьбе псов. И когда смотришь в их печальные глаза, становится стыдно.

Щенят продают в сумках, корзинках, коробках и ящиках: они сидят там тихо, жмутся друг к другу, ищут местечка потеплее. Глазёнки у них тоже печальные и испуганные.

Там же торгуют сиамскими кошками, которые спокойно и важно восседают на хозяйских плечах и холодно, свысока смотрят на вас своими голубыми прозрачными глазами.

Но меня интересовали собаки.

Неожиданно из-за дерева прыгнул рыжий пёс, выхватил у девушки кулёк семечек и принялся грызть. Пёс был молодой и весёлый: он прыгал,

лаял, ловил свой хвост, и ни холод, ни удары прутом, которыми щедро награждала его хозяйка, не портили ему отличного настроения. Кругом было столько нового и увлекательного, что будущая судьба его не очень волновала. Пёс был золотой, гладкошёрстный — помесь боксёра и легавой. Голова боксёра с озорными сморщёженными глазами и вытянутой мордой легавой. Висячие уши — одно слегка приподнято кверху, а другое в сторону. Это придавало его морде удивлённое выражение. Тело вытянуто, хвост не обрезан, держит он его прямым прутом.

Пса звали Сигналом. Просили за него 10 рублей, цена невысокая, но я стала, следуя рыночным обычаям, самозабвенно торговаться, уверяя, что за него больше трёшки платить грех. Хозяйка оскорбилась, но по случаю холодной погоды спустила цену до 5 рублей. Я отошла в сторону. Подошли новые покупатели, пёс привлекал к себе внимание. Один из подошедших стал спрашивать, можно ли его держать во дворе на цепи весь год, оставить зимовать в будке? Хозяйка уверяла, что он прекрасно перезимует, но тут вмешался другой, помоложе и принялся стыдить хозяйку за то, что она просто хочет избавиться от собаки, а с такой шкуркой пёс жить на улице не сможет и подохнет. Тут я решила, что мне пора вмешаться, а то ещё кто-нибудь возьмёт и купит его у меня из-под носа. Я уговорила хозяйку увести Сигнала домой и обещала, что через день-два мы заберём собаку и заплатим ей дороже. Объяснила также, что пса мы берем для съёмок кинокартины.

ПЁС ПРИШЁЛСЯ ПО ДУШЕ

Мы приехали за собакой на следующий день с режиссёром и оператором. Собака нас не встречала, а хозяйка, которая дома была гораздо любезнее, предупредила, что пёс злой и может нас укусить. Мы уверили её, что не боимся, тем более, что псу было восемь с половиной месяцев. Выпущенный на свободу из тёмной ванной, где он сидел на привязи, пёс как вихрь налетел на нас и поднял в нашу честь такую возню, что его опять пришлось не без труда водворить обратно.

Нужно сказать, что обаяние своё он расточал так щедро, что для первого знакомства это было несколько утомительно. Но сомнений не было — пёс понравился сразу всем, и никто не обратил внимания на то, что он не лохматый. Наоборот, все расхваливали его изумительную золотисто-бархатную шкурку. Он нам сразу так пришёлся по душе, что мы с тревогой подумали о том, что же с ним будет, когда съёмки закончатся и он станет никому не нужен? Опять его тащить на

рынок и продавать за пятёрку? Такая перспектива никого не устраивала, и мы стали спрашивать, почему его продают.

Оказалось, что хозяйка с детьми уезжает на всё лето на Украину, а пса оставить не с кем и негде. К обоюдному удовлетворению, мы договорились о том, что Сигнала не покупаем, а берём напрокат.

НОВЫЙ ДОМ, НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА

Когда мы вывели пса из машины, его качало, но в квартире он моментально оправился, тем более что его ожидало знакомство с моим старым, заслуженным Бригом и с рыжим котом Яшкой.

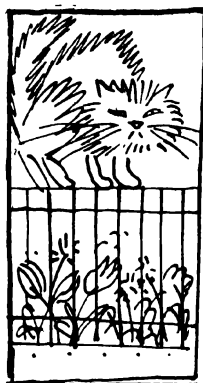
Мы предоставили гостю полную свободу, которой он не замедлил широко воспользоваться. Пёс гонялся по квартире как бешеный, запрыгивал на кровать, кресла, диван и даже заскочил на стол.

Брига Сигнал так замучил, что тот ушёл в прихожую, спрятался от него, Яшку он загнал на балкон. Яшка собак не боится и наглеца Сигнала тоже наградил оплеухой по морде, но этот излюбленный кошачий приём не имел успеха. Казалось, что в собаку вселился чёрт. Пришлось срочно искать затерянную где-то в доме, никому раньше не нужную плётку. С этим орудием воспитания мы не расставались недели две. Больше того, мы и спать ложились с плёткой и, просыпаясь, первым делом хватались за плётку.

Термин «невоспитанная собака» к Сигналу не имел отношения, это был просто сам дьявол в собачьем обличье. В доме всё стало вверх дном. Люди стали раздражительными, никто не мог спокойно заняться своим делом, всё время раздавалось: «Сигнал, ты куда залез?», «Сигнал, ты что схватил, отдай мою перчатку!», «Пошёл на место!»

На улице было не лучше. Спустить собаку с поводка — означало часами потом ловить его с участием всего молодого поколения нашего двора. Играя и бегая, пёс забывал, зачем его вывели на улицу, и вспоминал об этом сразу, как только приходил домой. Но через три дня, бегая по шесть раз в день на прогулку, я отучила его от этой забывчивости.

Все свои проделки он совершал с самым невинным видом: разодрал в нескольких местах паркет, сгрыз Бришкину подстилку, систематически перетаскивал обувь из прихожей в комнаты, некоторые туфли по выбору пробовал на зуб, как-то ночью незаметно для себя и для меня отгрыз кусок одеяла, сожрал носки зятя, срывал с вешалки пальто и укрывался ими. Это ещё далеко не полный перечень его проделок.

В первую ночь, проведённую у нас, пёс захотел пить. На кухне в миске была вода, но там он пить не стал, а забрался на столик, где стоял аквариум с рыбками, отодвинул стекло, которым был накрыт аквариум, уронил горшок с цветами и попил водички из аквариума. Мы все повскакали с постелей, зажгли свет, а пёс даже не оглянулся на нас, спокойно и невозмутимо продолжал пить воду, как будто ничего не произошло.

Когда в дом заглядывали чужие люди, приходилось особенно туго: Сигнал непременно хотел быть в центре внимания и не давал разговаривать, гонялся без усталости за своим хвостом так, что в глазах рябило, катался на спине по полу и толкал нас лапами, приносил и тыкал старой туфлей в живот и, наконец, лобзал гостя с такой неподдельной страстью, что тот не знал, куда от него деться...

Мои родные не без иронии и горечи отмечали, что пёс оригинален настолько, что жить с ним под одной крышей простым смертным обременительно... Они даже намекали, что с воодушевлением помогли бы мне в поисках замены ему.

Мне очень не хотелось начинать воспитание Сигнала с конфликтов, но это было неизбежно. Конфликты возникали постоянно, на каждом шагу. Кроме того, мне хорошо известно, что, если начинаешь с попустительства или даже с компромиссов, это к добру не приводит. Так что пришлось сразу установить, кто главный, чтобы у пса не было на этот счёт сомнений, и потом уже терпеливо приучать к тому, что можно и чего нельзя делать в доме и на улице.

Нервную систему и упрямство Сигнал унаследовал от боксёра, поэтому потасовка у нас с ним была изрядная, но зато пёс подчинился мне полностью. Из этого, конечно, не следует, что он сразу стал послушным. Пёс был с норовом. Мне очень нравилась его реакция на чужие приказания: кто-нибудь гонит его на место, а он, вместо того чтобы послушаться, поворачивается ко мне и, если я не вмешиваюсь, очень выразительно щурит глаза, оскаливается и рычит. «Настаивать не советую...» — говорит весь его грозный вид... Не у каждой собаки встретишь такой независимый характер.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В КИНО

На студии Сигналу сделали фотопробы. Получилось так хорошо, что в группе повесили стенд, на котором расположили фотографии забракованных собак и Сигнала в разных вариантах с забавными подписями. Зато на кинопробах пёс вёл себя так скверно, что его едва удалось снять, и

оператор, человек спокойный, усомнился: сможем ли мы вообще из него что-нибудь сделать.

Я не без тревоги в сердце уверяла, что пёс очень интересный и способный, а выдержке и терпению он научится. Я брала на себя огромную ответственность. Но я поверила в собаку, и впоследствии пес не только оправдал, а даже превзошёл все мои ожидания. Пришлось только поменять ему кличку. По фильму он должен был зваться Тингом. К новой кличке наш актёр привык очень быстро.

Тинг стал теперь регулярно заниматься. Утром и вечером. Занимался он охотно, но, бывало, на него находило странное упрямство, когда он не желал ничего делать. Особенно пёс не любил носить в зубах телефонную трубку или железную миску. Ещё он терпеть не мог долго сидеть или стоять на одном месте. Когда Тинг упрямылся, а я настаивала на своём, мы ссорились, он мне скалил зубы, делал «самурайскую рожу», но делал он это теперь уже больше для самоутверждения, кусать меня не пытался.

Д Р А К И

Я боюсь серьёзных собачьих драк и всегда возмущаюсь, если люди потворствуют дракам, особенно на дрессировочной площадке. Я стараюсь приучить собак дружно, не скандаля, бегать в своре. С молодыми собаками это не сложно, если хозяева не поощряют драки.

Бывает, что и подраться полезно, чтобы научиться защищаться как следует. Конечно, ничто так не развивает в собаке инициативу, как общение себе подобных.

Несмотря на то что я против драк, мои собаки все были драчливы. Видимо, это происходит оттого, что я со щенка всегда развиваю в собаке смелость и инициативу. Бриг же стал драчливым незаметно для меня, но при моём содействии тем не менее.

Я привезла его в Ленинград 9-месячным щенком из киноэкспедиции, стала брать с собой каждый раз на дрессировочную площадку, где руководила занятиями в группе. Мне хотелось, чтобы он находился на воздухе, общался с собаками и имел возможность наблюдать за дрессировкой. Но, чтобы он не мешал, я привязывала его у будки к столбу на длинный поводок.

Бриг свободно бегал вокруг столба, лаял на собак, внося свои комментарии по ходу дела. Группа вся состояла из разнопородного молодняка, и лишь один доберман был «переросток» — ему уже минуло три года. Естественно, дрессурой он не интересовался, но наблюдал за происходящим с большим вниманием. Как только кто-то

зазевается, он прыгал на него и грыз. Хозяин держал его на длинном поводке, но в момент драки всегда «нечаянно» выпускал поводок из рук и не торопился оттянуть своего пса. Визг, вопли, скандал, общее смятение... Так он нам перекусал многих собак, и дошла очередь до Бришки. Добермана давно раздражал этот дерзкий подросток. Он налетел на Бришку, когда тот замотал поводок вокруг столба, стоял плотно к нему прижатый и решал сложную для себя задачу — «как распутаться?» Не успел Бриг опомниться, как уже лежал кверху лапами и не мог шелохнуться: с одной стороны его не пускал замотанный поводок, а сверху ещё навалился этот голый бесхвостый задира. Малыш не выдержал и заорал во весь голос, зовя меня на помощь. Я в несколько прыжков подскочила к ним и сбросила добермана в сторону. Чего не сделаешь для своей собаки?.. В другое время мне бы не под силу было просто оттолкнуть такого крупного пса.

Сконфуженному Бришке я помогла оправиться от испуга, похвалила, отцепила поводок и дала побегать. С тех пор я не привязывала Брига, а укладывала на месте без поводка, чтобы он мог как-то защищаться или в крайнем случае удрать, если на него нападут неожиданно. Пёс приобрёл свободу, которой не преминул воспользоваться в своих корыстных целях: он возложил на себя вполне добровольно обязанность старосты в группе. Бриг очень быстро разобрался, что мы в группе главные, что все нам подчиняются и что слушников нужно наказывать.

Он сидел теперь тихо на своём месте и терпеливо ждал, когда кто-нибудь нарушит дисциплину. Разумеется, он недолго сидел без дела — нарушителей порядка было много. Каждого, кто затевал драку или оказывал активное сопротивление хозяину, Бришка трепал за шиворот и подминал под себя. Всё это делалось мгновенно, к месту, не очень серьёзно в смысле покусов, и не успевала я подбежать, чтобы прекратить его самоуправство, он уже отпускал пса и мчался на своё место. Людей это не сердило, а, напротив, вызывало одобрение, смех и весёлые шутки в адрес «старосты», а он отлично в этом разобрался. Через несколько месяцев Бриг уже чувствовал себя настолько сильным, что сумел отомстить своему обидчику — доберману.

С Тингом Бриг был очень терпелив, но драки мы всё же не миновали. Затеял её, конечно, Тинг.

Он позволял себе в играх с Бригом очень много, кроме того, он стал забираться в миску к Бригу, даже когда тот ел, отбирал у него печенье, прёгонял его с подстилки, катался на его спине, висел на хвосте.

На этот раз вышло так, что я дала собакам по хорошей кости с мясом, а сама не дотядела: Тинг оставил свою кость, решив, что она никуда от него не денется, и бросился отнимать кость у Брига. Тот ощерился и кости не отдал. Тогда Тинг вцепился Бригу в щёку. Бриг выпустил кость и оттрепал наглеца за шиворот. Разняв собак, я ещё добавила Тингу пару раз плёточкой.

Нужно отдать должное Тингу, пёс он был очень горячий, но отходчивый: он после драки тут же подошёл к Брише с извинениями, стал вылизывать ему морду — «не сердись на меня, чего в горячке не бывает...»

Но Бриг не был столь отходчив, в ответ он оскалил клыки так выразительно, что Тинг отлетел от него. После этой драки Бриша долго не подпускал к себе Тинга и восстановил свои права хозяина: стал свободно ходить по квартире, не пускал Тинга на свою подстилку. Постепенно Тинг стал уважать Брига, подражать ему, начал даже совеститься своих дурных поступков. Стащит что-то недозволенное и крадётсЯ в тёмный уголок, чтобы не увидели, а если ещё его посоветишь, скажешь: «Кто это сделал?», показав сгрызенную им тапочку, так и совсем застыдится, спрячется под стол и выглядывает оттуда. Потом подойдёт, извиваясь всем телом, и ластится, прося прощения.

ЩЕНОК ТОБИК

В Выборг на съёмки кроме Тинга и Брига я повезла ещё полуторамесячного щенка Тобики, который должен был в картине изображать Тинга малышом. Щенок был неизвестного происхождения, но до смешного похож на Тинга — такой же лобастый, с короткой гладкой шёрсткой рыжей масти, и даже хвостик был так же, как у Тинга, хворостинкой и не обрезан. Достала я его тоже на рынке. Примечательно, что, когда щенок отснялся в кино, хозяева не стали его продавать, а оставили себе. Щенок был очень маленький, но шустрый и сообразительный. Я боялась, как отнесётся к нему Тинг, не замучает ли, но Тинг полюбил щенка. Он трогательно играл с ним, при всей своей жадности отдавал ему игрушки, не лез к щенку в миску, не отбирал косточки, а если щенок сам лез отбирать к Тингу, тот уходил от греха, но никогда не кусал малыша. Спали они всегда вместе. Тобик укладывался под брюхо Тингу, а голову клал на него сверху. Тобик, как и все щенки, был надоедлив, но к Бригу не лез, зато от Тинга не отставал ни на шаг.

Как часто случается в кино, мы отсняли Тобику в городе и увезли на дачу в Выборг, чтобы иметь его для других кадров, но он так быстро рос, что сгодился потом только на «подросткового»

Тинга, а малышом снимали уже другого щенка, боксёра, который, конечно, не очень-то походил на Тинга. Второй раз мне уже не посчастливилось найти двойника.

ХРАБРЫЕ МАЛЬЧИШКИ

Это случилось на следующее утро после нашего приезда в Выборг. Поздно вечером привезли мальчиков из хора капеллы, они у нас снимались, и мы вместе пошли к заливу купать собак. Мы ещё только знакомились, и я рассказывала ребятам о Бриге, Тинге и Тобике. Им предстояло теперь сниматься и жить вместе. Ребята ещё робели подходить к большим собакам и трогать их.

Накануне я купала Брига, и Тинг, который ещё боялся залезать в воду, бегал по берегу, лаял, делал судорожные движения, чтобы прыгнуть с причала, но страх всё же удерживал его на берегу. Когда Бриг вылез из воды, Тинг хотел его укусить, но тот отряхнулся, и холодный душ остудил пыл Тинга.

Сегодня Тинг опять очень возбудился, предвкушая купание и досадуя и злясь на Брига за то, что опять всё внимание будет отдано ему, а Тинг будет смешон.

Бриг бегал с палкой в зубах и дразнил собак. Тобик гонялся за ним, а Тинг схватил палку и стал её вырывать. Бриг прыгнул в сторону, Тинг выпустил палку и, не помня себя от злости, забыв все предыдущие уроки, яростно вцепился в Брига. В первый момент Бриг не принял атаку всерьёз и увернулся, подставляя Тингу свой зад. Но Тинг снова налетел, и тогда Бриг сразу подмял его под себя.

Положение становилось критическим, мне одной собак не разнять, добровольно Бриг Тинга не выпустит, тем более что тот продолжал иступлённо сопротивляться. Оставалось только, тащить собак к воде, чтобы окунуть их в залив, но вода оказывается намного дальше, когда тащишь двух дерущихся собак за хвост, чем когда бежишь купаться...

Помогли мне, как всегда, отважные, беззаветные мальчишки. Они подбежали и стали оттащить Тинга. Было очень трудно поймать Тинга за хвост или за лапу, тем более что он был под Бригом. Первый раз им довольно быстро удалось оттащить Тинга, но он выскользнул у них из рук и опять бросился в бой. Снова Бриг вцепился ему в шею, и опять ребята бросились его выручать. Бриг яростно трепал его из стороны в сторону так, что ребята никак не могли удержать скользкий и тонкий хвост.

В конце концов Тинг перестал сопротивляться и затих. Нам казалось, что прошла целая веч-

ность, у нас уже не было никаких сил держать собак. И тут Бриг выпустил Тинга. Тот был сильно изгрызен, шея в нескольких местах разорвана, на горле глубокая рана. Мы его обмыли, охладили его пыл и отпустили. Он тут же побежал к Бригу, стал его по обыкновению вылизывать, прося прощения.

Пока мы разнимали собак, воспитатели кричали со второго этажа дачи, чтобы ребята не смели трогать собак. Но мы ничего не слышали. Когда воспитатели спросили меня с ужасом, как я могла позвать ребят помогать разнимать драку, я отвечала, что мужчины всегда мужчины, даже если они и поют в хоре.

Тинг, такой храбрый пёс, панически боялся лечиться. Эта боязнь привела его к роковым последствиям. Стоило мне только подумать о том, что Тингу нужно помазать ранки, как он уже догадывался о моём намерении и тут же прятался. На баночки и пузырьки он взирал с ужасом. Причём боялся он только лечения, а когда мы на съёмках мазали ему эти же ранки гримом, он совершенно спокойно переносил эту процедуру. Но если Тинг обрежет лапу, посмотреть или промыть её — целая проблема. Весь сожмётся, очерится, спрячет под себя больную лапу и рычит: «Не дам мазать ни за что, лучше смерти!..»

С большим трудом я вытаскивала его из-за укрытия, с уговорами и угрозами мыла, мазала, поила микстурой и кормила таблетками. И всегда и во всём мне теперь помогали мальчишки.

СЪЁМКИ НАЧАЛИСЬ

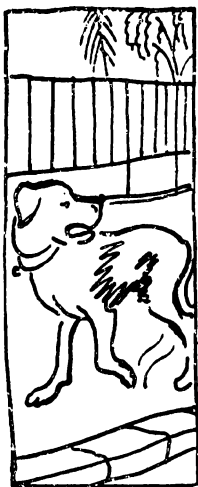
Первая съёмка. Все очень волнуются: что-то выдаст нам Тинг?..

Я тоже волнуюсь и сомневаюсь, сделает ли он всё, как нужно... Но Тинг работает превосходно. Здесь он несчастный, заблудившийся пёс, перебегает через мост в поисках дома, а внизу идёт поезд, он озирается по сторонам, ему тоскливо одному и страшно в чужом месте.

Весь он взъёрошенный и грязный, тощий и сторбленный. Всё было для Тинга очень естественно, ему и правда было не по себе, он ещё не оправился после драки. Кроме того, я оставила его на одном конце моста, а сама ушла на противоположный. Звала к себе, а бежать не давала, так как тележка с оператором и камерой не поспевала за ним. Кричала на него, чтобы пёс не бежал, а трусил еле-еле. Поезд внизу, совсем рядом тележка, окрики людей сбивали собаку с толку и делали растерянной, обиженной и несчастной.

Ну, а внешний вид? Это было несложно, гримировали мы его быстро, сначала мазали кое-где

вазеликом, а затем я брала пса за переднюю и заднюю лапы, переворачивала на бок там, где земля была посвежее, потом так же переворачивала на другой бок, голову тоже присыпали землёй. После этой процедуры пёс вскакивал, отряхивался и становился таким, каким нам было нужно, грязь оставалась только на местах, где был вазелин. Нужно сказать, что эти процедуры тоже не повышали настроение бедного Тинга.

Очень трудно мне было во время съёмок центрального эпизода фильма, где обе собаки работают одновременно. Я к нему долго и тщательно готовилась, думала, как сделать, чтобы не задурить собакам голову, ведь на кадре они должны делать разное и не смотреть на меня, а «играть» между собой, потом начала понемногу дрессировать их, подготавливая к раздельной работе в этом кадре.

Обычно собаки слушались сразу. «Ко мне» — бегут оба, «сидеть» — оба садятся. А тут, на съёмках, я командовала Бригу одно, а Тингу совсем другое.

Брига привели к музыкальному училищу и посадили с сумкой, полной всякой снеди. Хозяин ушёл. Бриг поставил сумку, сидел и ждал. А Тинг подошёл к училищу на звуки музыки. Голодный и измученный скитаниями, он почувствовал дурманящие запахи колбасы, мяса. Но рядом с едой сидит такая большая собака, — подойти страшно!.. Тогда я тихим голосом приказываю Бригу сидеть, а Тингу (громче) ползти, робко подбираться к Бригу, облизываться. Командую Бригу бросать голодному Тингу колбасу, стесняясь своего поступка. Потом — Бригу — застенчиво отойти обратно на место у сумки и сесть, а Тингу — схватить колбасу, жрать её, а потом убежать с ней из кадра.

В этой сцене Тинг был действительно несчастен. Дело в том, что с утра, до съёмок, он, как всегда, весело играл с осветителями, и они ему подарили кусок резинового шланга, от которого он незаметно для самого себя отъел половину. Понятно, что у него со страшной силой разболелся живот, он весь скрючился, и вид у него был разнесчастный. Но на аппетит его это всё же не повлияло. Когда Бриг бросил ему колбасу, он её спокойно съел.

Были и такие эпизоды в фильме, которые держались на сплошной импровизации, их нельзя репетировать заранее. Таким был эпизод, когда Тинг забирается в чужую машину, пока хозяин её чинит. Как только пёс спохватится, что его увозят неизвестно куда, он должен лаять и бросаться на хозяев машины.

Тинг — собака миролюбивая, и мы не старались его озлоблять, тем более что он всё время

был в окружении детей. Дети с ним играли в прятки, бегали по гимнастическим снарядам, самозабвенно играли в футбол. Но со взрослыми Тинг иногда проявлял характер. Это было, когда я кого-нибудь просила мне помочь. Он не разрешал держать себя за ошейник и не разрешал чужим командовать собой, сразу огрызался или кусал. Правда, я поручала его своим из съёмочной группы, людям храбрым и знающим собак.

Машина была «Жигули». За рулём сидела актриса, а рядом с ней оператор с камерой. Мне пришлось свернуться пополам, чтобы самой не попасть в кадр, а Тингу нужно было прыгать и лаять на актрису сзади.

Во-первых, Тинг не мог понять, зачем ему бросаться на хорошую женщину, которая к тому же любит собак, и если уже направляют, так почему бы и не укусить, тем более что её затылок совсем близко...

Чтобы разозлить пса, сел вперёд сначала режиссёр, помахал несколько раз тряпкой и ударил Тинга по морде. После этого режиссёр ушёл, а мы стали снимать, и я подтравливала Тинга уже на актрису. Хорошо, что актриса совершенно не боялась собаки, но мне удерживать Тинга за скользкие лапы, да ещё в лежащем положении, чтобы он не дотянулся до её затылка, было мудрено. Тинга ужасно раздражало, что я его травлю, а сама не пускаю. Он, в ярости и досаде на меня, вырывался, прикусывал меня за плечи, но делал всё, как нам было нужно.

На этих съёмках нервничали все: я — за Тинга, чтобы он работал хорошо, но не кусал актрису, актриса — за себя, чтобы хорошо сыграть и не разбить машину (она за рулём была впервые), оператор — чтобы снять нормально, режиссёр — за всё сразу. А хозяин новеньких «Жигулей» переживал больше всех. Он, бедняга, каждый дубль бежал за нами сзади и кричал, давая указания, куда крутить баранку и на что нажимать. Дублей было много, и он под конец окончательно выбился из сил. Но сняли мы всё благополучно, все остались живы и целы, «Жигули» тоже не разбились.

НОВЫЙ ДОМ, НОВЫЕ ХОЗЯЕВА

Вернулись мы из Выборга в Ленинград, отсняли Тинга в павильонах.

Дома Тинга теперь было не узнать: ласковый, воспитанный и милый пёс. За столом он вносил особое оживление, ему для съёмок требовалось сидеть у стола и кланяться, — это было ему по душе, и, если мы задерживались с подачкой, он толкал носом под локоть или подскуливал жа-

лобно на разные голоса. Это навело меня на мысль научить Тинга говорить «мама», и мы дружно, всей семьёй принялись за дрессуру. Дело шло медленно, но сам процесс был настолько увлекателен, что все наперебой учили собаку человеческой речи. Нужно отметить только, что у каждого из нас была своя собственная методика. Большинство учило подражательным методом, но зять подходил к делу на научной основе и пояснил Тингу, что слоги разделять не нужно, а нужно произносить их вместе и только два раза, не один и не три раза, как он: «ма или ма-ма-ма». Тинг внимательно слушал, наклонив голову набок, и с озорной рожей принимался за новые рулады.

Мы покатывались со смеху. На зятя обрушивались с критикой, и вот уже следующий дрессировщик подзывал к себе Тинга, показывал кусочек колбасы и внятно нараспев произносил: «Мама». Тинг отползал, не поднимая зада от пола, подальше от стола, чтобы его все могли хорошо видеть, сам косил глаза то на одного, то на другого и громко, под общий восторг, произносил: «Мама», причём один слог у него получался басом, а другой тоненьким голоском. Успехи дрессировщиков тоже были переменчивы: сегодня за завтраком Тинг говорил чисто только у зятя, за обедом у меня, вечером у дочери. Только у бабушки, считал он, колбасу можно забрать и так, без особых усилий. Пока она ему давала пояснения, он подсакивал и вырывал колбасу из рук.

К Тингу все очень привязались. Не только наша семья, но и все наши друзья, знакомые. С горечью думали мы о предстоящей разлуке. Хотя теперь Тинг стал очаровательной, милой и послушной собакой, ревнивцем он так и остался. Держать его постоянно вместе с Бригом было всё же рискованно. Да и вообще держать двух собак в городских условиях очень обременительно.

Желающих взять Тинга было много, но мы решили отдать его нашему композитору. Хозяйке отдали деньги за прокат помесечно, а собаку постановили ей не отдавать. Тинг теперь заслуживал лучшей участи. Композитора нисколько не смущало тёмное происхождение и сомнительная родословная Тинга. Он захотел его взять себе, как только увидел пса на экране.

В последние дни перед тем как его отдать, Тинг часто садился к окну с таким видом, будто он догадывался о перемене, которая его ждёт. Глаза, полные печали, голова опущена. В общем, несчастнее собаки на свете нет. Он садился так, чтобы мы обратили на него внимание и пожалели, и добивался, чего хотел: все начинали его ласкать и причитать над ним. Бабушка уверяла,

что Тинг, конечно, чувствует, что мы собрались его отдать, и молча укоряет нас за это.

Отвезла я Тинга к новому хозяину. Он там разыгрался, бегал по всей квартире, загнал кота на шкаф, был возбуждён и весел, вроде бы и не чувствовал перемены в своей судьбе, но когда я стала уходить, он одним прыжком оказался у двери, загородил мне выход, и мне стоило немалых усилий уйти от него.

Я решила не навещать Тинга, чтобы не тревожить его понапрасну, звонила по телефону и справлялась, как он там привыкает.

Через два дня с Тингом случилась беда: он наглотался острых костей и захворал. Позвали к нему врача, но Тинг, как всегда, быстро сообразил, что его хотят лечить, и не давал себя трогать. Врач посоветовал дать ему подсолнечного масла и новокаина. Но как ему дать, если он не хочет?.. Я узнала всё это на другой день к ночи, поехала к Тингу не очень обеспокоенная: он не раз наедался костей, тряпок, резины и кожи — всё обходилось.

Оказалось, его уже пробовали лечить. Врач посоветовал новым хозяевам дать ему масла хитростью; усадив между ног, влить в пасть из клистирки. Кого угодно бы перехитрили, но не Тинга! Пока готовились, пока усаживались, он уже обо всём догадался. Попробовали влить масло, а он повернулся — хап! — и проглотил клизму...

Я нашла его грустным и насторожённым. Радостной встречи не произошло, тем более, что я всё-таки влила злополучное масло и новокаин в придачу. Но стало абсолютно ясно, что теперь без операции Тингу не обойтись. И чем скорее, тем лучше. На следующий день в ветеринарной лечебнице бедному Тингу делали полостную операцию под общим наркозом. Домой его везли на машине всего замотанного бинтами, по лестнице несли на руках. Пять дней и ночей возле Тинга дежурили, чтобы он не раздирал себе швы.

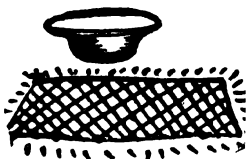
Когда пёс стал поправляться, он у всех просил есть, а ему разрешалось или одно яйцо или стакан бульона в день. Грустно было видеть его голодные, просящие глаза.

Но всё кончилось благополучно. Тинг поправился, опять повеселел. Живёт он теперь в Репине на даче и снова радуется солнцу и лесу, морю и ветру.

А мы долго скучали без Тинга. Особенно грустно было без него когда мы все сидели за столом, а его рядом не было и некому было сказать: «Маэстро, скажите, мама!..»

ма!ма!

IV. ЗВЁЗДЫ НА КРЫЛЬЯХ

Серый зимний денёк. Несколько человек в ватниках и полушубках работают во дворе большого дома. Внешне это похоже на уборку снега: широкими лопатами его сгребают к отверстию в стене. Непонятно только, почему сгребаемый снег не трамбуют в кучу, а, наоборот, ворошат и подбрасывают. Неясно также, откуда в безветренный день появляется сильный сквозняк, засасывающий снег в отверстие. Механизация уборки? Но снег не выбрасывается на улицу, а явно втягивается внутрь дома. Зачем? Да и о какой механизации уборки может идти речь, когда кругом голод и холод, война и разорение?

Люди оставляют лопаты и идут к дверям. Проходят внутрь к большой металлической трубе диаметром почти в человеческий рост, открывают люки и заглядывают внутрь. Лампочка освещает деревянный заборчик, у основания которого искусственная поэмка надела большой сугроб. Глубину сугроба измеряют, негнушными от мороза пальцами записывают результат в таблицу. Затем вычищают из трубы снег, устанавливают другой тип снегозадерживающего щита и опыт начинают сначала.

Так выглядели первые испытания в Центральном аэрогидродинамическом институте — ЦАГИ.

Страна, разорённая двумя войнами, требовала от учёных прежде всего помощи в решении практических задач. Одним из главных бедствий была разруха на транспорте. Борьба со снежными заносами — вот, в чём могли помочь учёные-аэродинамики. Работать им приходилось в очень трудных условиях. Не было даже дров, чтобы протопить помещение. Но они шутили: это даже полезно, что дом холодный, а то бы от него шёл тёплый воздух, нарушал точность опытов по измерению плотности снегопада. Их работы прояснили природу образования снежных заносов, позволили рекомендовать ряд предупредительных и охранительных мер.

Боролись они и с другим врагом — с заиливанием рек.

И всё же всем было ясно, что главным направлением работ ЦАГИ будет авиация. После смерти Жуковского, в 1921 году, руководство институтом перешло к Чаплыгину. Здесь же собрались другие ученики и соратники Николая Егоровича — Туполев, Сабинин, Стечкин, Ветчинкин. Их энтузиазм возмещал отсутствие самого необходимого оборудования, нехватку помещений, станков, рабочих. Они набирались

Игорь ЕФИМОВ

опыта, занимаясь строительством глissера, аэросаней. Продолжали аэродинамические эксперименты. Следили за работами зарубежных учёных. Они знали о законах движения воздуха всё, что можно было знать в те годы.

Однако у практиков новый институт ещё не пользовался авторитетом. Страна ставила перед промышленностью задачу: создать советскую авиацию, как можно скорее покончить с необходимостью покупать самолёты для Красного воздушного флота за границей. Срочно! В самые сжатые сроки! Экспериментальные работы в аэро-

динамических трубах казались руководителям заводов лишней потерей времени. Но спешка и недоверие к науке дорого обошлись загромождавшемуся самолётостроению.

Весной 1923 года в воздух должен был подняться один из первых советских истребителей «ИЛ-400». Правда, мотор на нём был ещё иностранный («Либерти-400»), но в остальном конструкция, созданная Поликарповым, была вполне оригинальной и по тем временам передовой. Испытывал самолёт опытный

Рисунки А. Курушина

лётчик Арцеулов. Разогнав машину, он оторвался от земли и уже собрался было набирать высоту, как вдруг случилось непредвиденное. Нос самолёта начал резко задиаться вверх. Лётчик вывел ручку рулевого управления до отказа, — в обычных условиях при таком положении руля самолёт должен был бы перейти в пикирование. Но и это не помогло — нос истребителя задирался всё выше. Вовремя выключенный мотор не позволил самолёту перевернуться вверх колёсами. Он упал на хвост тут же на взлётном поле. У Арцеулова были сломаны обе ноги.

Как это могло произойти?

Дело в том, что центр тяжести машины не совпадал с центром парусности крыльев. Крылья были вынесены слишком далеко вперёд, и их подъёмная сила не только уравнивала вес, но и стремилась повернуть корпус вокруг центра тяжести. Вращательный момент получался таким большим, что уравновесить его моментом от рулей, расположенных на хвосте, было невозможно. Попробуйте удержать карандаш, положенный поперёк пальца (палец — это как бы крыло). Когда палец находится прямо под центром тяжести карандаша, вы едва заметными движениями легко удерживаете равновесие. Но сдвиньте его в сторону, и карандаш, задрав «нос», немедленно свалится на пол.

Что было делать? Сдвинуть крыло наугад немного назад и рискнуть жизнью ещё одного лётчика? Никакая спешка не могла оправдать подобного риска.

Пришлось обратиться к учёным.

Модель злополучного истребителя поместили в аэродинамическую трубу, насадив на ось, пропущенную в точке, соответствующей центру тяжести реального самолёта. Пустили воздух. При определённой скорости потока нос модели начал задиаться, хвост же, опиравшийся на весы, показывал величину возрастающего усилия. Да, величина была немалая.

Но модель — не самолёт

На ней можно передвинуть крылья за полчаса и повторить эксперимент без всякого риска для кого бы то ни было. Так было вскоре найдено оптимальное положение крыльев. На основании этих экспериментов и уточняющих расчётов был сконструирован новый истребитель «ИЛ-400б», который успешно прошёл испытания и был запущен в войсковую серию. А важность центровки — совмещения центра тяжести с центром парусности крыльев — стала с тех пор очевидна не только конструкторам: на крупных аэродромах есть специ-

альный дежурный, который наблюдает, как грузят багаж пассажиров в большие трансатлантические лайнеры. Багаж должен быть загружен равномерно, чтобы невидимый центр тяжести остался на месте не переполиз из-за веса чемоданов к носу или к хвосту самолёта. Если же среди пассажиров находится команда тяжелоатлетов, их тоже постараются рассадить по всей длине самолёта — ведь каждый из них весит чуть не вдвое больше среднего человека.

После истории с истребителем Поликарпова отношение к ЦАГИ заметно изменилось. Теоретическое значение тех или иных работ может долго оставаться неясным, но практический результат виден каждому. Без науки авиацию не построишь — значит, даешь науку!

Проектирование, расчёт и испытание всех новых самолётов так или иначе были связаны с работами специалистов из ЦАГИ. Борьба за скорость и дальность полёта была очень напряжённой — ведь именно от этих показателей зависела боеспособность машин. Казалось бы, скорость должна зависеть только от силы мотора — чем мощнее мотор, тем быстрее полёт. В действительности же аэродинамические свойства самолёта играли здесь огромную роль.

Вот пример.

Знаменитый самолёт Туполева «АНТ-25», тот самый, на котором был совершён перелёт через Северный полюс в Америку, поначалу был сделан из гофрированного дюраля. Гофрированный металл позволял повысить прочность конструкции при одновременном уменьшении веса. Начались испытания. Всё шло хорошо, но расчётной дальности самолёту не хватало. Пробовали и так, и эдак, увеличивали запас горючего — ничего не помогало.

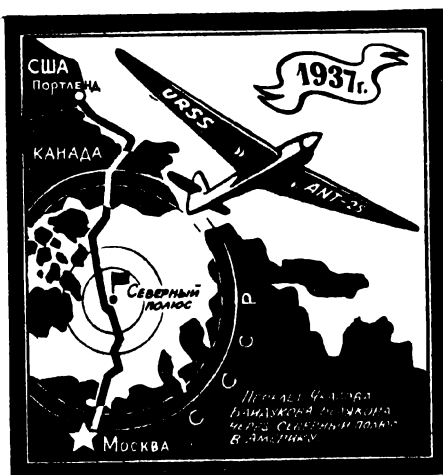
— Нужно спрятать гофр под гладкой обшивкой, — предложил аэродинамик из ЦАГИ. — Это значительно уменьшит трение самолё-

та о воздух, а значит и сопротивление, и расход бензина.

— Намного ли? — сомневались конструкторы. — Не забывайте, что дополнительная обшивка увеличит вес самолёта.

— Точно не скажу, но думаю, что выигрыш будет равен примерно тысяче километров.

И слова учёного блестяще подтвердились: вскоре весь мир рукоплескал экипажу «АНТ-25» — Чкалову, Байдукову и Белякову, — благополучно приземлившемуся в Америке.

А вот другой случай из борьбы учёных за скорость.

В середине тридцатых годов самолётостроители всего мира столкнулись с грозным и загадочным противником. То из одной, то из другой страны приходили печальные сообщения о гибели испытываемых самолётов. Причём картина аварии всегда была одна и та же. Самолёт вёл себя нормально до тех пор, пока скорость его не увеличивалась до какого-то определённого рубежа. Стоило превысить этот рубеж, как начинались вибрации такой силы, что за несколько секунд машина разлеталась на куски. Снизу казалось, будто происходил взрыв. Но когда обследовали обломки, никаких следов взрыва — обгоревших частей — обнаружить

не удавалось. Немногие лётчики, оставшиеся в живых после такой переделки, тоже не могли толком описать происшедшее.

Грозное явление получило название флаттер (от английского — трепетать).

Отделу лётных испытаний ЦАГИ было поручено вступить в борьбу с невидимкой.

Советский лётчик-испытатель Марк Галлай подробно описывает в своей книге «Через невидимые барьеры» все эпизоды этой борьбы. Как его, молодого ещё лётчика,

окончившего Ленинградский политехнический институт по специальности аэродинамики, пригласил к себе начальник отдела лётных испытаний ЦАГИ и спросил, не желает ли он «потрогать флаттер за бороду». Как шла подготовка к лётным экспериментам, отладка специальной самозаписывающей аппаратуры. Как с каждым полётом скорость понемногу увеличивалась. Экспериментаторы надеялись, что при медленном увеличении скорости лётчику удастся заметить приближение опасного рубежа и немедленно сбросить обороты двигателя.

Но флаттер обрушился неожиданно.

«Очередной полёт протекал в уже ставшем привычным порядке: взлёт,

подъём, выход на горизонталь, регулировка триммера руля высоты «на давление», включение аппаратуры, постепенное увеличение оборотов моторов и соответствующее ему медленное, ступеньками по пять-шесть километров в час, приращение скорости.

Всё шло как обычно.

Яркое весеннее солнце играло на светлой обшивке самолёта. Далеко внизу медленно плыла назад земля, сплошь усеянная разливами рек и водоёмов, похожих с высоты на разбросанные осколки разбитых зеркал, в которых отражалось весёлое апрельское небо.

Что ни говорите, а летать в такую погоду гораздо приятнее, чем среди грязной ваты осенних многослойных облаков.

Медленно, как ей и положено, ползёт стрелка указателя скорости. Удерживаю её на несколько секунд в одном положении — очередная ступенька — и снова мягким увеличением нажима на штурвал посылаю чуть-чуть вперёд.

И вдруг — будто огромные невидимые кувалды забарабанили по самолёту. Всё затряслось так, что приборы на доске передо мной стали невидимыми, как спицы вращающегося колеса. Я не мог видеть крыльев, но всем своим существом чувствовал, что они полощутся, как вымпелы на ветру. Меня самого швыряло по кабине из стороны в сторону. Штурвал, будто обратившийся в какое-то совершенно самостоятельное, живое и притом обладающее предельно строптивым характером существо, вырвался у меня из рук и метался по кабине так, что все попытки поймать его ни к чему, кроме увесистых ударов по пальцам, не приводили. Грохот хлопающих листов обшивки, выстрелы лопающихся заклёпок, треск силовых элементов конструкции сливались во всепоглощающий шум.

Вот он, флаттер!

Если бы лётчик не предусмотрел того, что управление может быть вырвано из его рук, вряд ли

ему удалось бы впоследствии делиться с кем-нибудь своими впечатлениями. Ещё перед полётом он отрегулировал управление таким образом, чтобы пружина стремилась повернуть сектор газа в сторону уменьшения скорости. Из-за этого полёт стоил ему большого физического напряжения — приходилось всё время преодолевать сопротивление пружины. Зато когда флаттер обрушился на самолёт и штурвал вырвался от него, как живой, эта предосторожность оказалась решающей. Пружина сама повернула сектор газа назад, мотор резко сбавил обороты, скорость снизилась и чудовищная тряска прекратилась.

С трудом удалось Галлаю посадить на аэродром полуразрушенную машину. Крылья и фюзеляж были смяты, покрыты трещинами. Кругом собрались встревоженные товарищи, начались расспросы, но всех опередил профессор Чесалов.

— Немедленно, ни с кем не разговаривая, идите в мой кабинет, запишитесь там и опишите всё настолько подробно, насколько сможете, — потребовал он, — иначе пропадёт вся свежесть впечатления и вы опишете не столько флаттер, сколько свои разговоры о нём со всеми встречными. А это далеко не одно и то же.

И вот благодаря рассказу лётчика и записям уцелевших приборов специалистам из ЦАГИ удалось раскрыть природу флаттера, разработать методику его предотвращения, дать конструкторам подробную схему расчёта на флаттер. Одним из учёных, возглавивших эту блестящую работу, был тогда ещё молодой М. В. Келдыш — в будущем президент Академии наук СССР.

Авиационная промышленность Советского Союза с каждым годом увеличивала выпуск самолётов. Проверка же лётных качеств боевых машин шла уже не только в испытательных полётах, но и в настоящих боях — на Халхин-Голе, в Испании.

Советские самолёты не уступали

по главным показателям немецким, итальянским или японским. Однако по числу годового выпуска отставание нашей промышленности было ещё заметным. Поэтому после заключения договора о ненападении с Германией было решено закупить у неё различные виды оружия, в том числе и самолёты.

В составе советской торговой делегации, прибывшей в Берлин, находились наши лётчики и конструкторы. Немцы изо всех сил изображали приветливость и радушие, показывали свои заводы и аэродромы, демонстрировали полёты. На-

ши недоумевали: не может быть, чтобы так открыто возможного противника допускали к секретнейшим вещам. Наверное, здесь какой-нибудь подвох. Но нет, немцы действительно показывали главные самолёты своих военно-воздушных сил: «мессершмитт-109», «хейнкель-100», «юнкерс-88». Даже разрешали нашим лётчикам полетать на них.

Расчёт их был прост: несколько десятков проданных самолётов да ещё без запасных частей не изменят соотношения сил, зато позволят ещё раз продемонстрировать перед советским командованием своё «миролюбие», отсутствие каких бы то ни было агрессивных планов. Что же касается военных

секретов, таить их не имело смысла. Они прекрасно видели, что русские по богатству научных идей и оригинальности конструктивных решений не уступали им. Исход воздушной битвы будет зависеть от мощи промышленности, от годового выпуска боевых машин. Для развития же промышленности нужно время и время.

А уж они-то знали, что времени у нас почти не оставалось.

На рассвете 22 июня 1941 года тысячи немецких самолётов поднялись со своих аэродромов и взяли курс на восток. Эскадрилья за эс-

кадрилей пересекали границу государства, с которым Германия была связана договором о ненападении, и направлялись к городам, перечисленным в секретном плане «Фридрих Барбаросса». Жители Каунаса и Гродно, Бреста и Ковеля, Львова и Кишинева были разбужены в это утро взрывами бомб, воем сирен, трескотнёй зениток и пулемётов. Бомбы падали на железнодорожные станции, на пограничные заставы, на заводы и фабрики, на больницы и школы, на самолёты, не успевшие подняться в воздух.

Но действовать абсолютно безнаказанно немецким лётчикам не удавалось. Вот что пишет в своих мемуарах немецкий генштабист

Греффрат: «За период с 22 июня по 5 июля 1941 года немецкие военно-воздушные силы потеряли 807 самолётов всех типов, а за период с 6 по 19 июля — 477. Эти потери говорят о том, что, несмотря на достигнутую немцами внезапность, русские сумели найти время и силы для оказания решительного противодействия».

Гастелло, Талалихин, Севастьянов — имена этих героев-лётчиков стали известны всей стране.

Но одного мужества для победы в современной войне недостаточно. Нужна могучая и совершенная военная техника, и нужна она в огромных количествах. Воздушный бой, длящийся всего несколько секунд, начинается на самом деле в тишине конструкторских бюро, где долгими днями и ночами люди в белых халатах, склонившись над листами ватмана, напряжённо думают над тем, как примирить между собой несовместимые требования: чтобы самолёт был как можно более лёгким и в то же время прочным; чтобы имел огромную скорость, а взлететь мог после короткого разбега; чтобы вооружение стало мощнее, а вес его остался тем же самым; чтобы дальность полёта увеличивалась, а размеры баков с горючим уменьшались; чтобы каждая деталь была выполнена с предельной точностью, а обработка её была простой и быстрой. И при этом нельзя было забывать, что большая часть страны оккупирована врагом и многих самых необходимых материалов достать будет почти невозможно, так что придётся обходиться тем, что есть под рукой.

Главным требованием для истребителей оставалась скорость. Имея перевес в скорости, лётчик может настичь удирающего врага, может перехватить бомбардировщик, направляющийся на бомбёжку, может уйти от преследования, если силы слишком неравны или весь боекомплект израсходован.

Особенно напряжённой была

борьба за скорость при создании истребителя «ЛА-5».

Предыдущий истребитель конструкции Семёна Алексеевича Лавочкина «ЛАГГ-3» имел очень высокие скоростные показатели. Но получены они были дорогой ценой: чтобы «облагородить» аэродинамику самолёта, конструктор слишком глубоко упрятал в фюзеляж кабину пилота. В такой кабине у лётчика получался очень маленький обзор — он не мог заметить подкрадывавшегося врага. Попробовали сделать кабину выдвижной. Лётчик в минуту опасности поднимал при помощи специального рычага себя вместе с кабиной. Обзор улучшался, но поднятая кабина немедленно увеличивала сопротивление самолёта потоку воздуха. Скорость при этом терялась, и терялась тогда, когда она нужна была больше всего — в момент боя.

— Знаете, как мы расшифровываем «ЛАГГ»? — невесело острили фронтовики. — Лакированный гарантированный гроб.

В новой машине Лавочкин постарался учесть все недостатки предыдущей. Аэродинамики помогли найти такую форму кабины, которая давала лётчику полный обзор, не ухудшая при этом обтекания самолёта. На «ЛА-5» был установлен мощный двигатель с воздушным охлаждением. (Двигатель «ЛАГГ» охлаждался жидкостью, поэтому при попадании пули или осколка жидкость вытекала и мотор выходил из строя.) Новый мотор был потяжелее, зато он не только не боялся пулевых попаданий, но даже служил некоторым щитом для лётчика во время лобовой атаки. Все контуры самолёта имели плавные очертания для улучшения аэродинамических свойств. Тщательно следили даже за качеством краски, покрывавшей фюзеляж и крылья: ведь если в краску попадала пыль, это увеличивало шероховатость внешних поверхностей, их трение о воздух и снижало скорость на 15—20 километров.

«ЛА-5» был испытан в апреле

1942 года. Машина показала себя блестяще, и было решено немедленно запускать её в серийное производство. Быстро изготовили первые десять самолётов, как две капли воды похожие на первый опытный образец.

Увы, абсолютное сходство было только внешним.

Во-первых, все десять машин при включении двигателя тряслись как в лихорадке. Никакой лётчик не смог бы вести прицельный огонь, когда у него от тряски стучат зубы. Причина оказалась в неравном весе лопастей винта. Неравномер-

ность, измеряемая одним-двумя граммами, на больших оборотах приводила к сильным вибрациям, передававшимся всему самолёту.

Только справились с тряской — новая беда. В полёте отваливается крыло. Самолёт немедленно отправляют в лабораторию прочности, снова испытывают под большими перегрузками — прочность в норме. В чём же дело? Оказывается, виноваты заклёпки, крепившие крыло к фюзеляжу. При серийном производстве свёрла и развёртки быстро изнашивались, отверстия получались на несколько микрон меньше, и заклёпки приходилось загонять в них при помощи молотка. От этого в месте крепления возникали опасные напряже-

ния, которые и приводили в полёте к аварии.

Но самой тяжёлой потерей при переходе от опытного образца к серийному производству оказалось уменьшение скорости. Все десять машин, внешне так похожих на первый «ЛА-5», летали на 40—50 километров в час медленнее его. Пять крупнейших авиационных специалистов срочно выехали на завод к Лавочкину. Уже вовсю гремела Сталинградская битва, и приказ Комитета обороны требовал в двухнедельный срок начать конвейерный выпуск самолётов, не усту-

пающих по своим данным экспериментальному.

И учёные нашли коварного невидимку, пожиравшего километры скорости. Им оказалась неплотность в кожухе, покрывавшем мотор. Она образовалась из-за того, что инженеры-технологи, стремившиеся сделать изготовление кожуха максимально простым, чуть изменили его конструкцию. Но при этом изменении появились небольшие щели, сильно завихрявшие встречный воздух. Стоило герметизировать кожух, как скорость самолёта снова достигла расчётной, и с конвейера хлынул поток грозных истребителей новейшей конструкции.

«Лёгко управляемый «ЛА-5», —

писал впоследствии французский авиационный еженедельник, — развивал скорость на 40—50 километров в час больше германского истребителя «МЕ-109». Осенью 1942 года первые авиационные полки «ЛА-5» были переброшены в район Сталинграда, где битва достигала наивысшего накала. Эти свежие эскадрильи обеспечили развитие гигантской операции по окружению вражеских армий и способствовали успеху советских войск».

Немцы пытались наладить снабжение окружённой армии Паулюса по воздуху. По расчётам, им требовалось как минимум 750 тонн грузов в день — боеприпасов, продовольствия, медикаментов. Но советская авиация теперь была уже не та, что в первые месяцы войны. Совершая по несколько вылетов в день, наши лётчики сумели разрушить воздушный мост настолько, что вместо 750 немцы едва могли доставлять 100 тонн. Всё реже стреляли немецкие пушки, которым не хватало снарядов, без горючего останавливались танки, слабел огонь немецких пулемётов, спрятанных в развалинах сталинградских домов. Когда трёхсоттысячная армия капитулировала, по всей Германии был объявлен траур.

На истребителях «ЛА-5» воевали такие прославленные лётчики, как Покрышкин и Кожедуб. Год спустя усовершенствованный самолёт «ЛА-5ФН» встретился в небе битвы под Курском с новейшим немецким истребителем «фокке-вульф-190» и доказал своё превосходство во многих воздушных боях.

Не менее напряжённо шла работа и в других КБ. Лёгкие и манёвренные истребители конструкции Яковлева позволяли лётчикам нападать на врага на любых высотах. Бронированные штурмовики Ильюшина с бреющего полёта расстреливали немецкие танки. Сквозь любой заградительный огонь прорывались к цели пикирующие бомбардировщики Петлякова. Дальние бомбардировщики Туполева

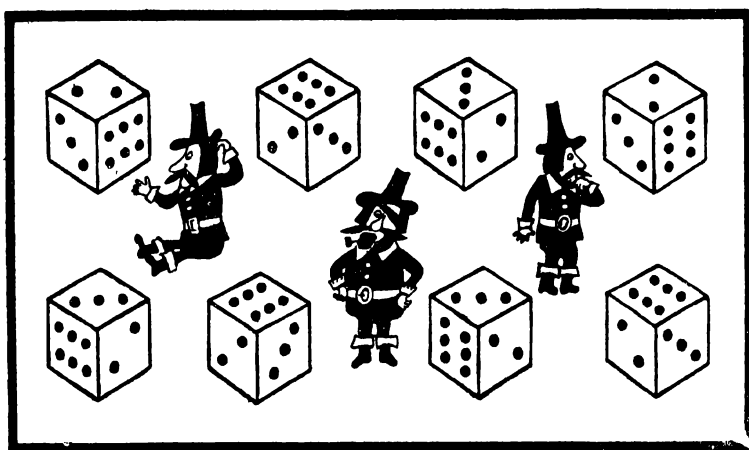
одними из первых появились в небе над Берлином.

Произошло то, чего никто не мог предвидеть. В 1942 году израненная войной страна, огромная территория которой вместе с заводами и фабриками оказалась в руках врага, сумела так напрячь все свои силы, что ежегодный выпуск боевых машин увеличился почти втрое против мирного времени и превысил выпуск самолётов в Германии, имевшей в своих руках заводы

почти всей Европы. Это чудо совершено было общими усилиями советских учёных, конструкторов, инженеров и рабочих, работавших по 12—18 часов в сутки с полным напряжением всех умственных и физических сил. Их героический труд привёл к тому, что в середине войны наша авиация получила явный перевес в воздухе, приблизив радостный день победы над самым страшным из врагов когда-либо нападавших на Россию.

К у б и к и

(Загадочная картинка художника А. Курушина)

Как хотите, кубики вертите,
Но два одинаковых найдите!

И ЗДЕСЬ БЫЛ ГОРОД ЗАЛОЖЁН...

Одна главная, заветная дума была у царя Петра: отвоевать исконно русские земли, которыми завладели иноземные захватчики — шведы, закрыв русским выход в Балтийское море. Старинные названия русских городов и поселений они переименовали на свой лад. Древний город Ям называли Ямбургом, Карелу — Кексгольмом, Орешек — Нотебург. Шведы почувствовали себя хозяевами на берегах Невы, на прибалтийских землях. А без моря Россия существовать не могла.

И началась Северная война, длившаяся многие годы. Первую крупную победу одержали русские, взяв крепость Нотебург, находившуюся у истока Невы. Пётр, празднуя победу, переименовал её в Шлиссельбург, что означает Ключ-город, и неспроста. Ведь отсюда вниз по Неве лежал водный путь прямехонько в Балтийское море.

Трудной была эта победа. «Зело крепким был Орешек», — говорил Пётр.

На пути к морским просторам находилась ещё одна крепость — Ниеншанц. Она высилась на мыску в том месте, где ныне в нашем городе небольшая речушка Охта впадает в Неву.

Петровские войска подошли к Ниеншанцу, подвезли осадные орудия и начали возводить земляные укрепления для прикрытия своей артиллерии. А чтобы противник не смог прислать подмоги осаждённой крепости, Пётр посадил семь рот солдат в лодки, вместе с ними спустился к устью и запер вход в Неву перед шведскими кораблями.

Тем временем русские закончили подготовку к штурму Ниеншанца. Орудия были установлены и наведены на цели. Шведам послали ультиматум — сдать крепость без боя. Но они отказались.

И вот 30 апреля 1703 года в семь часов вечера загрохотали пушки. Натиск был так силен, что вскоре противник, как тогда говорили, «запросил пардону». Утром 1 мая над крепостью Ниеншанц взвился русский флаг.

Назавтра же царь с военачальниками внимательно осмотрели захваченные берега, Невскую дельту. Приглянулся Петру небольшой остров на Неве, называвшийся Енисаари, а по-русски — Заячьим.

— Тут, на Заячьем, и возведём крепость, — сказал царь.

16 мая 1703 года на острове застучали топоры, загрохотали молоты, коловшие огромные каменные глыбы. Закладывалась крепость Санкт-Петербург, позднее названная Петропавловской. День закладки крепости и стал днём основания Санкт-Петербурга, ныне Ленинграда. Произошло это 270 лет назад.

От крепости Ниеншанц не осталось и следа. На её месте ныне находится Петрозавод, где с петровских времён и до наших дней строят корабли. Петрозаводу недавно исполнилось 250 лет. На его территории и поныне существует братская могила петровских солдат, павших при взятии Ниеншанца. Это самая старая братская могила в нашем городе, ведь она появилась ещё за две недели до закладки Петропавловской крепости.

Петропавловскую крепость строили спешно, пользуясь растерянностью ошеломлённых шведов. Было уже время белых ночей, и работа шла круглосуточно. В сорок дней возведены шесть неприступных бастiónов.

Первую неделю после закладки крепости Пётр ночевал в палатке. Потом солдаты-плотники за два дня построили для царя домик на Городском острове — нынешней Петроградской стороне. Этот самый первый дом нашего города сохранился и поныне. Наружные стены его солдаты окрасили масляной краской под кирпичную кладку, крышу покрыли дощечками и придали им вид черепицы, а потолок и стены внутри затянули холстом.

Высота домика от пола до потолка составляла всего два с половиной метра. Царь же был роста высокого — два метра четыре сантиметра! Внутри Петр передвигался свободно, а вот в дверях ему приходилось сильно нагибаться. Высота самой высокой двери была 182 сантиметра.

За два дня не построить крепкого жилища. У домика даже не было фундамента. Шли годы, и он обветшал, чему способствовали частые наводнения. А ведь надо было сохранить для потомков первенца Санкт-Петербурга.

Уже в конце XVIII столетия над домиком возвели каменный чехол. В 1844 году его заменили новым, тоже каменным, который и по сей день защищает дорогую реликвию нашего города. В скором времени предполагается вместо каменного построить новый чехол из прозрачной пластмассы, и тогда первый дом нашего города предстанет перед каждым, кто пожелает его осмотреть.

В этом домике царь жил пять лет. Первое время строительство на Городском острове шло медленно. Ведь война ещё не кончилась, и шведы всё ещё не теряли надежды одолеть русских, возвратиться на берега Невы. Лишь в 1709 году в знаменитой Полтавской битве петровские полки решительно разгромили шведскую армию. Теперь уже стало ясно, что шведам не поднять больше головы. И строительство нового города на Неве пошло быстрее.

На берега Невы со всех концов страны пригоняли десятки тысяч крепостных крестьян. Работали они по 18 часов в сутки, в воде, в болотной жиже. Жили впроголодь, сотнями и тысячами умирали от истощения и болезней. Недаром про новый город один из поэтов прошлого века М. Дмитриев писал:

*Богатырь тебя построил,
Топь костями забутил...*

Три окна петровского домика выходили на Неву. Глядя из них на противоположный берег реки, царь видел в зелени кустов и деревьев мызу, которая до завоевания этих мест принадлежала шведскому майору Конау. Пётр часто любовался этим красивым зелёным уголком и решил построить там для себя уже не деревянный, а каменный летний дворец, окружив его большим и красивым садом.

Царь много путешествовал по европейским странам. Довелось ему видеть, как тогда называли, «регулярные» сады, искусно оформленные архитекторами и мастерами зелёных насаждений. На аллеях этих садов красовались парковые скульптуры, высоко вверх взлетали искрящиеся струи фонтанов, переливались красками нарядные цветочные клумбы. На прудах плавали стаи белоснежных лебедей. И велико было желание Петра создать на берегах Невы такой регулярный сад, который пышностью и убранством своим не только не уступал бы, но и превосходил виденные им за границей.

Пригласили искусных садовников и начали создавать Летний сад, которым и поныне гордятся ленинградцы. Во времена Петра он был иным. В крытых галереях росло множество редких заморских растений, боявшихся русских морозов. В тенистых аллеях причудливыми струями били фонтаны, которые первое время получали воду из реки Безымянный ерик, позднее переименованной в Фонтанку. Уже тогда сад украшали несколько десятков статуй, изваянных известными венецианскими скульпторами.

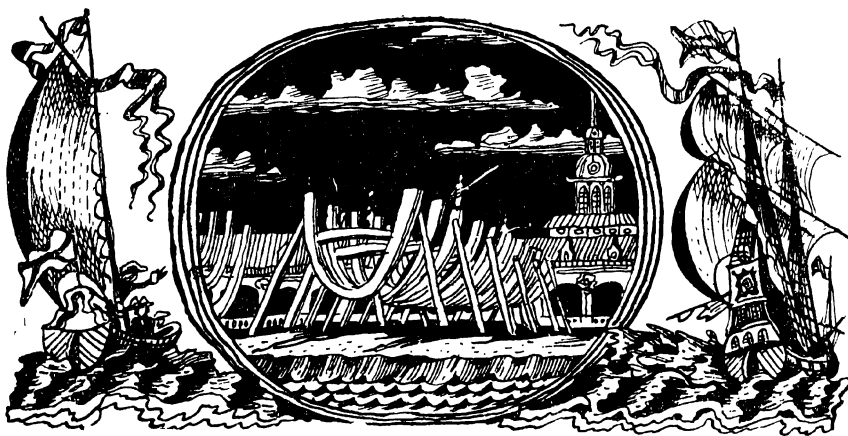
В углу Летнего сада, где Лебяжья канавка соединяется с Невой, когда-то росли ели. Пётр очень любил этот хвойный уголок.

Некогда в Летнем саду шелестела своими густыми кронами и дубовая роща. От неё сохранился один-единственный дуб. Пережил и наводнения и военные невзгоды, дожил до наших дней. Лет ему около 270. И этот единственный оставшийся от дубовой рощи патриарх лесов — самый настоящий ровесник нашего города.

Прорубили русские солдаты «окно в Европу», открыли выход в моря и океаны. Но чтобы плавать по ним, нужны были корабли. Их строили на верфях у рек Свири и Сяси. Близко и в то же время далеко. Ведь на пути в Санкт-Петербург разлила свои воды капризная Ладога. Налетит буря, застанет корабли в походе — горе им!

Пётр решил строить верфь вблизи моря. Сам отправился на шлюпке выбрать для неё подходящее место. И выбрал участок на берегу большой Невы, наискось от крепости.

Поздней осенью 1704 года заложили новую верфь. Пётр очень радовался этому событию и записал в своём журнале:

«Заложил Адмиралтейский дом и были в остерии и веселились, длина 200 сажен, ширина 100 сажен».

Снова потянулись со всех концов Руси тысячи крепостных крестьян. На берегу Невы становились они работными людьми. Нужда в людях была огромная, царь слал приказы воеводам — высылать крепостных да смотреть, чтобы они были здоровьем покрепче.

Пётр задумал построить судостроительную верфь, которая была бы одновременно и крепостью. Шведы близко, надо быть начеку.

В те времена Адмиралтейскую крепость окружал глубокий ров. Внутренний двор П-образного здания был соединён с Невой и заполнен водой. Здесь-то и была сама верфь. Тут же находились склады, сарай, канатная и парусная мастерские. Кроме того, здание Адмиралтейства было окружено высоким валом с пятью бастионами и несколькими рядами рогаток. На валу артиллеристы установили сто пушек.

С нетерпением ждал Пётр завершения строительства Адмиралтейства: выход к морю настоятельно требовал новых кораблей.

И вот наконец радостный день. На адмиралтейской верфи заложили и летом 1712 года спустили на воду первый русский военный корабль «Полтава». Назвали его так в память знаменитой победы над шведами. На «Полтаве» было 54 пушки. Вскоре спустили и другой боевой корабль «Выборг», а за ним начали сходиться со стапелей 90- и 100-пушечные линейные корабли. На море появился молодой, полный сил русский Балтийский флот, который в 1714 году наголову разбил шведскую армаду в знаменитой морской битве при Гангуте.

А город продолжал расти. Появилось в нем много каменных зданий, государственных учреждений. Одноэтажное мазанковое Адмиралтейство уже выглядело неказисто. Начали его постепенно перестраивать в каменное. Зодчий Коробов возвёл центральную башню, увенчанную устремившимся в небо шпилем. Прошло немногим менее ста лет и другой знаменитый архитектор — Андреян Захаров вновь перестроил Адмиралтейство. Оно считается теперь одним из красивейших сооружений в мире и дорого нашему народу не только своей изумительной красотой, но и тем, что было колыбелью Балтийского флота.

Какие же ещё примечательные здания и учреждения появились в первые годы существования города Санкт-Петербурга? По повелению царя уже на втором году после закладки крепости открыли первую

аптеку. Вначале она находилась на территории Петропавловской крепости. В европейских странах уже давно существовали аптеки и лекарства в них продавались такие, что в наше время вызывают лишь одно удивление. Вот, например, чем лечили больных: порошками и микстурами из щучьих, волчьих и вепревых зубов. Аптекарь продавал разные мази, изготовленные на жирах десяти видов: сале псовом, диких котов, волчьем, лисьем, медвежьем, свином и даже... змеином. Лекарствами служили порошки из человеческого черепа, заячьих сердец и настойки из сушёных лягушек. Существовали пилюли, называвшиеся «де Вилья Нова», которые, как уверяли аптекари, в одно и то же время «улучшали пищеварение, приносили веселье, задерживали посещение, усмиряли кашель, укрепляли сон, предохраняли зубы от порчи и, главное, усиливали разум».

Некоторые из таких диковинных лекарств были и в первой петербургской аптеке. Позднее её перевели из крепости на угол Миллионной (ныне улица Халтурина) и переулка, который и до наших дней носит название Аптекарского.

Весть о новой русской крепости на Неве, о городе, который начали строить на её берегах, пришла в Европу. Особенно заинтересовались этим мореходы, которые возмечтали приплыть к русским со своими товарами, выгодно продать их и так же выгодно купить у русских товары, в которых нуждались европейские страны. Кто же первым отважился проложить морскую дорогу в Санкт-Петербург? Им оказался некий голландский шкипер Гильбранд. Он привёл свой корабль к стенам Петропавловской крепости поздней осенью, уже в первый год существования города. Вот как писала об этом газета «Ведомости»:

«В ноябре месяце пришёл к Санкт-Петербургу корабль галанской с товарами, с питьями и с солью, на котором был шкипер и несколько матросов, и тот корабль по повелению господина губернатора принят по обыкновению, и за приход подарено вышеупомянутому шкиперу за столом в доме его губернаторском пятьсот золотых, а матросам, кои с ним были, по тридцати ефимков коемуждо, и при том сказано ему во обнадеживание других, есть ли потом другой корабль туда придёт, и тому кто на том корабле дано будет триста золотых, также же есть ли и третий корабль придёт, дано будет сто пятьдесят золотых, и с тем тот вышеупомянутый корабль, от Санкт-Петербурга отпущен в надлежащий путь со удовольствованием, а товары все, которые на том корабле были, куплены повольною ценой».

Месяц спустя «Ведомости» в сообщении из Амстердама извещали, что шкипер Гильбранд со своим кораблём «во Гданьск пришёл, возвестил, что его царское величество ему, яко первому пришедшему, пятьсот золотых пожаловал...».

«Все флаги в гости будут к нам» — мечтал Пётр. И не напрасной была его мечта. Прошло несколько лет, и уже сотни чужеземных кораблей бросали якорь на Неве. Особенно много их стало приходить после того, как Пётр в 1713 году перенес столицу из Москвы в Санкт-Петербург, который к тому времени стал самым крупным русским городом — гаванью. Иные шкиперы по несколько раз приводили свои суда на Неву и в каждый приезд всё более удивлялись, как быстро растёт молодой город.

В 1715 году они увидели широкую просеку, которая протянулась от Адмиралтейства в сторону Александро-Невского монастыря. Называлась она першпективной дорогой. Першпективная означало — широкая. Потом её переименовали в Большую першпективную дорогу. И стала она самым коротким путём, который соединял Санкт-Петербург, располагавшийся тогда у самых берегов Невы, со старой торговой Новгородской дорогой. А через Новгород тянулся торговый путь и на Москву.

Прошло несколько лет, и Большую першпективную дорогу стали называть Невской першпективой. По сторонам её появились первые домики. Строительство города шло на участке между Невой и небольшой рекой Мьей — Мойкой. Она и была в первое время границей города. Но потом застройщики перешагнули через Мью и стали селиться на землях, лежавших между ней и Безымянным ериком (Фонтанкой). Стала разрастаться и Невская першпектива. В 1783 году её переименовали в Невский проспект. Вот и подсчитайте, сколько же лет нашему красавцу Невскому. Со времени прорубки просеки исполнилось ему 258 лет, а название своё носит он уже 190 лет.

Быстро застраивалось пространство между Мойкой и Фонтанкой. Границей города стали уже берега Фонтанки. Через неё построили первый в Санкт-Петербурге городской деревянный мост и называли Аничковым. Имя своё он получил от расположенной рядом слободки полковника Аничкова. Как видите, мост, хотя и перестраивался, но название своё сохранил до наших дней.

Между Мойкой и Фонтанкой протекала ещё одна речушка, вытекавшая из лесного болота. Называли её Кривуши. Потом её превра-

тили в канал, который вначале именовался Екатерининским, а в наше время это канал Грибоедова.

Среди других строений появилась в Санкт-Петербурге и первая школа. О ней упоминается уже в архивных документах 1710 года. Вот коротко история рождения первой школы. Пётр послал в Европу своих людей, чтобы они там отыскивали как можно больше специалистов, желающих приехать в Россию для строительства нового города и Адмиралтейской верфи. Приглашались корабельщики, шкиперы, доктора, чертёжники, деревообделочники.

Приезжали на берега Невы не в одиночку, а с семьями. У многих были дети. Им нужно было учиться. И тогда повелено было открыть школу, которая в первое время находилась на Невской набережной. Позднее построили для неё двухэтажное здание на Невском проспекте. Примечательно, что школа эта существует и в наше время. Правда, она изменила свой первоначальный вид. Её надстроили тремя этажами, и известна она теперь как 222-я школа Куйбышевского района. За 263 года самая старая школа Ленинграда выпустила из своих стен более 30 тысяч учеников.

Недалеко от Смольного, почти в самом конце чётной стороны улицы Воинова есть здание, которое внешним видом своим резко отличается от всех его окружающих. Взглянешь на него и сразу скажешь — очень давно оно построено. И это действительно так: возвели его во втором десятилетии XVIII века. Долгие годы этот красивый дом называли Кикина палатами.

Александр Кикин был сподвижником Петра. Царь полностью доверял ему и полагался на него. Но вскоре после постройки палат Кикин оказался участником заговора против Петра. Кикина схватили, он вынужден был сознаться в измене. И за измену заплатил своей жизнью.

А что же стало с Кикина палатами? Пустовали они всего лишь два-три месяца, пока царь не разместил там Куншт камору и свою библиотеку.

Что такое Куншт камора? Смолodu Пётр был страстным коллекционером всяких редких и диковинных вещей. Он собирал их, разъезжая по земле российской, покупали «диковины» для Петра и за границей... Так с годами были собраны очень большие коллекции по зоологии — чучела разных животных, по анатомии — заспиртованные части человеческого тела, а также различные уродцы — дети с двумя головами, с одним глазом и другие. Владел царь и большой геологической коллекцией, состоявшей из многих минералов.

Перевезли все эти удивительные богатства в Кикина палаты и открыли Куншт камору, которая позднее стала называться Кунсткамерой. Так появился первый в России музей.

Многие иностранцы, приезжавшие на берега Невы, обязательно посещали Кунсткамеру. Тут была коллекция разных анатомических препаратов, купленных у знаменитого голландского медика Рюйша за 10 тысяч рублей. Во время пребывания в Голландии Пётр познакомился с известным зоологом и изобретателем микроскопа Левенгуком. Царь купил у него и передал в Кунсткамеру коллекцию микроскопов. Удивляли иностранцев драгоценные камни, крупные золотые самородки, добытые в недрах России, а также одежда, посуда, оружие, привезённые из Китая, Персии, Индии.

Я уже упоминал о первой русской газете «Ведомости». Она издавалась в Москве и очень медленно (на лошадях) доставлялась в Санкт-Петербург и другие русские города. Пришла пора подумать об устройстве типографии в молодом городе для печатания газеты и книг по раз-

ным отраслям знаний. Одно время по заказу Петра книги на русском языке печатали в голландских типографиях, но это не устраивало царя. И в самый разгар строительства нового города на Неве, в 1711 году, Пётр собственноручно заложил на территории нынешней Петроградской стороны «образцовые мазанки» для размещения типографии.

Потом открыли вторую печатню при Александро-Невском монастыре. Но там набирали книги старым кирилловским церковнославянским шрифтом. А ведь уже существовал новый, гражданский шрифт, лёгкий для чтения. В создании новой, гражданской азбуки непосредственно участвовал и Пётр. Позднее первый русский академик Михайло Ломоносов так сказал о новой азбуке: «При Петре Великом не одни бояре и боярыни, но и буквы сбросили с себя широкие шубы и нарядились в летние одежды».

Потребовалась новая большая типография для печатания книг и других изданий новым, гражданским шрифтом. Нужда в книгах по геометрии, артиллерии, географии, астрономии, мореходству была огромная. И родилась третья по счёту, так называемая Сенатская типография, которая существует и поныне. Находится она в самом начале Красной улицы.

В новую типографию был доставлен первый печатный стан, который, по преданию, смастерил сам царь. Ныне петровский печатный стан хранится в Эрмитаже.

В будущем году Библиотека Академии наук СССР, находящаяся на Васильевском острове, будет отмечать свое 260-летие. Это самое старое книгохранилище нашего города. На её полках хранится более десяти миллионов книг и рукописей. По своим богатствам она является третьей по величине в Советском Союзе. Её открыли в 1714 году. Первой Санкт-Петербургской библиотеке Петр передал свои пятнадцать тысяч книг.

Я РАССКАЗАЛ лишь о закладке и первых годах строительства нашего города. Никто тогда и предположить не мог, какую великую роль в истории русского государства суждено сыграть северной столице, каким славным сынам русского народа здесь предстояло жить и создавать бессмертные произведения литературы, музыки, живописи, зодчества. И уж, конечно, никто не мог предвидеть, что именно здесь, на берегах Невы, вспыхнет пламя трёх революций, которые в конце концов под руководством великого Ленина приведут угнетённые и обездоленные народы России к полной победе над царизмом, над помещиками и капиталистами.

КАК БРАТ И СЕСТРА

В центре Африки есть озеро Танганьика. Это удивительное озеро, настоящая жемчужина природы. Оно очень похоже на наш Байкал.

Байкал и Танганьика — два самых древних и глубоких пресноводных озера мира. Они почти одинаковы по форме и размерам. Их площадь составляет 34 и 32 тысячи квадратных километров, максимальные глубины — 1620 и 1470 метров. Как Байкал, так и Тан-

ганьика принимают воды множества рек и имеют по одному стоку. У Байкала это Ангара, у Танганьики — река Конго.

Что их сильно отличает — это температурный режим. Поверхность Байкала ежегодно замерзает на пять месяцев и никогда не нагревается выше 12—14 градусов. Танганьика же никогда не охлаждается ниже 23 градусов. Что ж, и у брата с сестрой бывают разные температуры.

ЧЕРЕПАХА-РЕКОРДСМЕН

Учёные в Суринаме (Южная Америка) окольцевали морскую черепаху. Через некоторое время она была обнаружена за 3700 морских миль от места кольцевания — близ берегов Ганы в Западной Африке.

Международный фонд охраны животных зарегистрировал пройденный черепахой путь в качестве мирового рекорда.

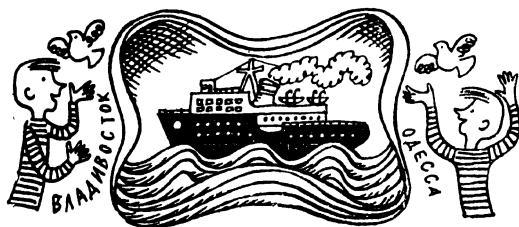
МОСТ

НА... КЛЕЮ

В Вильнюсе (Литва) дорожники построили новый мост через реку Нерис. Отдельные части его весом до 20 тонн склеены эпоксидовыми смолами. Железобетонные блоки превратились в монолит. Длина моста — 238 метров.

РЕДКАЯ ВСТРЕЧА

Школьник из Владивостока Женя Шмельков отдыхал с родителями в Одессе. Во дворе дома, где они жили, он поймал голубя. Мальчик привязал к его лапке записку: «Если поймаете — выпустите. Шмельков». И Женя сам поймал «своего» голубя на подоконнике дома во Владивостоке. Так, через два с половиной года, встретились мальчик и голубь.

Эту поистине редкую встречу прокомментировал специалист-орнитолог.

— Голубь — птица не перелётная, оседлая. Он может всю жизнь прожить в одном городе. Кроме того, голубиные «владения» поделены. В Одессе и других городах европейской части страны живут си-

зые голуби, а на Дальнем Востоке «прописаны» скалистые голуби.

Как же всё-таки попал голубь из Одессы во Владивосток? Можно предположить только, что птица залетела на один из тепловых в Одесском порту и на нём приехала во Владивосток.

...75 тысяч километров — такова общая длина магистральных газопроводов в нашей стране! Через три года их протяжённость достигнет 100 тысяч километров и в основном будет завершено создание единой системы газоснабжения страны. Огромна роль газа в быту. Жители 1800 городов, более 2000 посёлков городского типа, 45 000 населённых пунктов в сельской местности уже забыли кирпичные печи и дымоходы. К 1975 году производство «голубого топлива» возрастет до 320 миллиардов кубометров.

...каждый второй житель Земли проживает в Азии, население которой составляет 2104 миллиона человек! В Европе живут 466 миллионов, в Африке — 354 миллиона, в Северной Америке — 327 миллионов и в Южной Америке — 195 миллионов человек. Среди городов мира на первом месте стоит Шанхай, население которого составляет 10 820 тысяч человек. За ним следуют Токио, Нью-Йорк, Пекин, Лондон и Москва.

...в Швеции построен архив... на дне моря! Шведские архитекторы соорудили помещения на глубине 17 метров, внутри подводных гротов, недалеко от города Мариенберг. Только некоторые из помещений — для исследователей, библиотеки и административные — находятся на поверхности, все остальные — под водой.

...Новая Зеландия — идеальная по природным данным страна для развития животноводства! Основным его представителем является овца, которая, кроме мяса, даёт шерсть. Местные мастера стрижки «раздевают» овцу за две-три минуты. При этом работают так, что вся её шуба ложится тут же, не распадаясь. Ещё одно движение, и всё руно разделено по сортам. Специалисты различают свыше 40 сортов шерсти. В их числе есть такой сорт, который можно найти только в Новой Зеландии. Это шерсть необычайно тонкая, длинная и закрученная. Из неё делают одежду для космонавтов и лётчиков-испытателей. По всей стране такой шерсти собирают 5—6 тонн в год. Это с 50 миллионов овец!

...мамонты, волосатые носороги, первобытные бизоны, туры и другие виды животных мамонтовой фауны были широко распространены на земле на протяжении последнего полумиллиона лет в условиях чередования похолоданий и потеплений! Сейчас многие из них вымерли, а некоторые измельчали и уцелели лишь на небольших территориях.

...шофёры составляют примерно двадцатую часть

населения нашего города! Всего шофёров в Советском Союзе около шести миллионов. Это число равно населению Узбекистана, трёх республик Закавказья. Оно больше, чем население таких государств, как Финляндия, Норвегия, Швейцария. Целая шофёрская республика!

...минские зоологи разработали проект первого в стране аквариума для угрей! Оригинальный аквариум будет состоять из четырёх взаимосвязанных бассейнов, в которых учёные создадут круговорот искусственной морской воды, по солевому составу и температурному режиму схожей с водой Саргассова моря, куда ежегодно уходит на нерест угорь. Экспериментальная установка поможет учёным разгадать многие тайны этой замечательной рыбы.

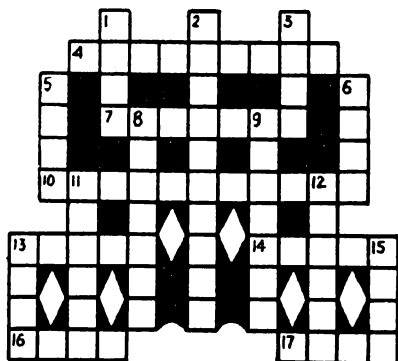

...в горах Талыша (Азербайджан) растут «конфетные деревья»! Плоды их напоминают внешним видом соевые батончики, имеют вкус изюма и аромат рома. «Конфетное дерево», называемое ещё говенией, завезено в азербайджанские субтропики из Кореи. Оно хорошо прижилось и даёт урожай до 40 килограммов буровато-красных плодов, в которых содержится до 47 процентов сахара и много витаминов. Эти «конфеты» употребляются в свежем и проявленном виде и используются в кондитерской промышленности.

КРОССВОРД

Отдел ведёт Вадим Ацентьев

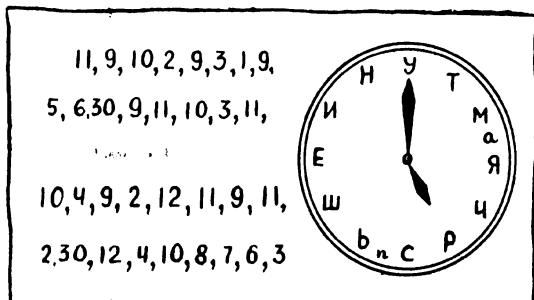
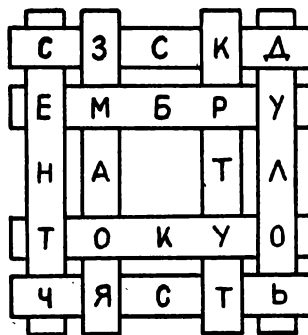
По горизонтали. 4. Вид спорта. 7. Обложенная дёрном гряда для цветов и других растений. 10. Изображение автором самого себя в художественном произведении. 13. Исполнение музыки голосом. 14. Режущий инструмент, применяемый в деревообработке. 16. Лестница на корабле. 17. Один из легкоатлетических снарядов, применяемых в метании.

По вертикали. 1. Выдающийся русский поэт. 2. Спортсмен, занимающийся современным зимним

двоеборьем. 3. Деревянный крестьянский дом. 5. Часть корпуса некоторых струнных инструментов. 6. Кондитерское изделие. 8. Прибор для проверки горизонтальных линий, а также для измерения малых углов наклона. 9. Выговор, наставление, нравоучение. 11. Плана солнечной системы. 12. Древнегреческий математик, основатель геометрии, изучаемой в средней школе. 13. Место с закрытым водным пространством, специально оборудованное для стоянки, погрузки, разгрузки судов. 15. Деревянный хомут для упряжки рабочего рогатого скота.

ПЛЕТЁНКА

На восьми лентах были написаны пятибуквенные слова. После того как ленты переплели, некоторые из букв оказались скрытыми. Какие слова были написаны?

ЦИФЕРБЛАТ-КЛЮЧ

Попробуйте разобраться, как прочесть пословицу, зашифрованную на нашем рисунке.

Проверь себя

[Ответы к «Искорке» № 4]

ЧАЙНВОРД

Стрекоза, задача, частица, цанга, гарнитур, урочище, щенок, окраина, нагар, армада, дамба, батальон, ондатра, рапира, разведка, канава, ва-режка, карета, табакерка, качество, волейбол, олимпиада, дальномер, Ереван, антенна, насадка, карусель.

РЯД ПРЕДМЕТОВ

«Пламя», «Кукуруза», «Печенье», «Бра» не имеют множественного числа, а «камень» имеет. Значит, он и является лишним.

ПОСЛОВИЦЫ

За всё братья — ничего не сделать.

ПЛЕТЁНКА

Сосуд. Умбра. Фокус. Часть. Центр. Знамя. Катет. Кулон.

ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Лава, столб, улов, порог, рапсод, сторож, мороз, сани, край. При таком расположении образуется ряд, в котором последние буквы слов располагаются в алфавитном порядке.

Содержание

Мы — ребята-ленинградцы. Песня Я. Дубравина на слова В. Николаева	1
На знамя равняйся! Очерк Николая Юпашевского	2
Многоцветный мир. Встреча в Гаване. Жаркое слово — саффа. Пять сыночков, во- семь дочек. В этот зимний знойный день. Стихи С. По- гореловского	9
Жаворонки прилетают сюда. Продолжение повести Леони- да Шестакова	13
В одном пруду. У соседей те- левизор. Стихи О. Тарути- на	29
Тинг — молодец! Рассказ Л. Острецовой	30
Рассказы о науке полёта. Очерк Игоря Ефимова	44
И здесь был город заложен... Очерк Эд. Аренина	53
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рису-
нок художника Г. Ясинского
«Весна — время трудное».

На 3-й странице обложки фото-
этиюд Н. Карасёва «Весёлый ат-
тракцион».

На 4-й странице обложки рису-
нок художника П. Вискова «Зелё-
ный патруль».

Редактор В. Л. БИАНКИ

Редактор-составитель В. Н. СУСЛОВ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов,
Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов,
А. М. Млодик

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 12-87-55

Сдано в набор 29/III 1973 г. Подписано к печати 18/IV 1973 г. 4 п. л.
М-13953. Зак. № 135. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 65 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского. Лениздат.
Ленинград, Фонтанка, 57.

ЦЕНА 10 коп.